

ДЖОН СКАЛЬЦИ

финалист премии
ПРОМЕТЕЙ

Вспомнить всё.
И сделать выбор.

БРИГАДЫ
ПРИЗРАКОВ

fanzon

Джон Скальци
Бригады призраков
Серия «Fanzon. Пространство Скальци»
Серия «Война старика», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156113
Бригады призраков: Эксмо; Домино; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-177852-1*

Аннотация

Крейсеры Специальных сил загадочно и бесследно исчезают, совершив скачок к звездам.

Разведка Союза Колоний узнала, что готовится война с человечеством. Три вида инопланетян объединились в альянс, и людям не выстоять в одиночку.

Бригады призраков на передовой. Они вычисляют предателя – Чарльза Бутэна, но тот вне досягаемости. Однако есть способ узнать, что он задумал – вырастить клона с вживленным сознанием.

Так создается Джаред Дирак, у него одна цель – стать предателем. Но у каждого есть свобода воли, и Джаред делает свой выбор.

Собрание сочинений одного из самых популярных авторов современной фантастики – Джона Скальци. Роман о звездной

войне за колонии, напоминающий бессмертный «Звездный десант» Хайнлайна. Продолжение «Войны старика».

«Высший класс!» – *WASHINGTON POST*

«Экшен, запоминающиеся герои и нотки философии умело сплетены воедино в первоклассном военно-фантастическом приключении». – *BOOKLIST*

«Скальци с ликованием отдает дань уважения "Игре Эндера", "Вечной войне" и "Звездному десанту"». – *PUBLISHERS WEEKLY*

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	47
3	77
4	100
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Джон Скальци

Бригады призраков

*Посвящается Шаре Золл за ее долготерпение
и все остальное. А также Кристине и Афине за
терпение и любовь.*

John Scalzi
Ghost Brigades

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов – Ethan Ellenberg Literary Agency, США, при участии Агентства Александра Корженевского, Россия

Copyright © 2006 by John Scalzi

Cover art by © Dark Crayon

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Часть первая

1

Этот камень не заметил никто.

И тут не было ничего удивительного. Камень был совершенно непримечательный, один из миллионов осколков скальных пород и льда, плавающих по параболической орбите давно умершей кометы. Не самый большой, но и не самый маленький, камень ничем не отличался от остальных своих собратьев. Если бы система противовоздушной обороны планеты каким-то чудом обратила на него внимание — а вероятность этого была бесконечно мала, — беглый анализ показал бы, что осколок состоит из соединений кремния и различных металлов. То есть обыкновенный камень, недостаточно крупный, чтобы причинить какие-либо неприятности.

Но у планеты, которая в настоящий момент как раз оказалась на пути этого и нескольких тысяч подобных обломков, не было системы противовоздушной обороны. Однако гравитационный колодец имелся; в него и устремился наш камень и его многочисленные братья. Все вместе они вызвали метеоритный дождь, что происходило раз в год, когда планета пересекала орбиту кометы. Небольшие осколки

межпланетного вещества сгорали в атмосфере, нагреваясь до огромных температур от трения, и оставляли в небе красивые черточки и полосы. Но на поверхности этой невозможно холодной планеты не было ни одного разумного существа, которое могло бы оценить красочное зрелище.

Подавляющее большинство метеоров испарилось в атмосфере, перейдя за время краткого светящегося падения из состояния твердого тела в размытый след микроскопических частиц. Они оставались в атмосфере неопределенно долго, пока, превратившись в ядрышки зарождающихся дождевых капель, увлеченные их тяжестью, не пролились на землю в виде дождя (или, что более вероятно, учитывая характер планеты, снега).

Однако этот камень сам обладал достаточным весом. Возрастающее давление атмосферы воздействовало на микроскопические трещинки его поверхности, обнажая и используя все слабые места в строении обломка. Отлетающие кусочки, ослепительно вспыхнув, тотчас же поглощались небом. И тем не менее к концу путешествия сквозь атмосферу от камня осталось еще достаточно, чтобы он с силой врезался в поверхность планеты, – огненный болид упал на каменистую равнину, с которой свирепые ветры начисто сдули весь снег и лед.

От удара осколка в скудную почву образовался небольшой кратер. Каменистая равнина, которая простиралась на значительное расстояние вокруг и уходила в глубь планеты,

при столкновении зазвенела, словно колокол, но только гармоника этого перезвона были на несколько октав ниже порога слышимости большинства известных видов разумной жизни.

Земля содрогнулась.

И неподалеку, в толще поверхности планеты, камень наконец заметили.

– Землетрясение, – сказала Шаран, не отрываясь от монитора.

Через несколько мгновений последовал новый толчок.

– Землетрясение, – снова сказала Шаран.

Подняв взгляд от своего монитора, Кайнен недовольно посмотрел на помощницу.

– Ты собираешься продолжать так и дальше? – спросил он.

– Я хочу держать вас в курсе всех происходящих событий, – ответила Шаран.

– Ценю твое стремление, – заметил Кайнен, – но, право, нет никакой необходимости каждый раз озвучивать это. Как-никак это я ученый. И понимаю, что каждый раз при перемещении почвы мы ощущаем землетрясение. Твое первое предупреждение имело смысл. Но к пятому-шестому разу начинает надоедать.

Почва снова содрогнулась.

– Землетрясение, – невозмутимо промолвила Шаран. – Уже седьмое. Кстати, вы не являетесь специалистом по тек-

тонике. Эта наука выходит за рамки ваших обширных познаний.

Несмотря на обычную для Шаран абсолютную серьезность, с какой были произнесены эти слова, не заметить издевку было невозможно.

Если бы Кайнен не спал со своей помощницей, то, вероятно, ощутил бы раздражение. Однако при нынешнем положении дел он позволил себе изобразить снисходительную усмешку.

– Что-то не припоминаю, когда ты успела стать признанным специалистом по тектонике.

– Это хобби, – сказала она.

Кайнен открыл было рот, собираясь ответить, но тут внезапно земля с бешеной скоростью устремилась ему навстречу. Кайнену потребовалось какое-то мгновение, чтобы осознать, что это не пол метнулся к нему, а он сам повалился вниз и оказался распростерт на полу вместе с доброй половиной предметов, находившихся в лаборатории. Опрокинутый табурет валялся справа от него, все еще качаясь после падения.

Кайнен бросил взгляд на Шаран, которая больше не смотрела на свой монитор, потому что тот, разбитый вдребезги, лежал на полу рядом с ней.

– Что это было? – спросил Кайнен.

– Землетрясение? – с надеждой предположила было Шаран, но тотчас же вскрикнула, так как лаборатория снова

яростно содрогнулась.

С потолка посыпались осветительные и акустические панели, и Кайнен с Шаран поспешили заползти под столы. Весь окружающий мир взорвался, а они сидели скрючившись в своем ненадежном убежище, словно хрупкая обстановка могла их защитить.

Наконец тряска прекратилась. Оглядевшись, Кайнен в дрожащем свете уцелевших панелей увидел, что большая часть оборудования валяется на полу вместе с почти всем потолком и значительной частью стен. Обычно лаборатория была заполнена рабочими и помощниками Кайнена, но на этот раз лишь они вдвоем задержались допоздна, чтобы закончить один эксперимент. Все остальные сотрудники уже давно возвратились в бараки и, скорее всего, легли спать. Что ж, сейчас им определенно пришлось проснуться.

Из коридора, ведущего к лаборатории, послышался высокий, пронзительный звук.

– Вы слышите? – спросила Шаран.

Кайнен утвердительно кивнул:

– Это сирена боевой тревоги.

– На нас напали? – испуганно произнесла Шаран. – А я полагала, база защищена.

– Защищена, – подтвердил Кайнен. – По крайней мере была. Во всяком случае, так считалось.

– Ну, должна сказать, работа была проделана отличная, – заметила Шаран.

Это уже было слишком.

– Запомни, Шаран: в мире нет ничего совершенного, – раздраженно произнес он.

– Прошу прощения, – пробормотала Шаран, сразу же почувствовав недовольство шефа.

Проворчав что-то нечленораздельное, Кайнен выбрался из-под стола и направился к опрокинутому сейфу.

– Помоги, – бросил он своей помощнице.

Вдвоем они перевернули сейф так, что Кайнен смог добраться до дверцы и отпереть ее. Внутри лежал небольшой пистолет и картридж с патронами.

– Где вы это раздобыли? – спросила Шаран.

– Как-никак, Шаран, это военная база. Здесь много оружия. Таких пистолетов у меня два. Один – здесь, другой – в бараке. Я думал, они пригодятся, если произойдет что-нибудь подобное.

– Но мы же не военные, – возразила Шаран.

– Это, не сомневаюсь, будет иметь огромное значение для тех, кто напал на базу, – съязвил Кайнен, протягивая девушке пистолет. – На, возьми.

– Не нужен он мне! – заупрямилась Шаран. – Я не умею обращаться с оружием. Лучше оставьте его себе.

– Ты точно отказываешься?

– Точно. Дело кончится тем, что я прострелю себе ногу.

– Ну хорошо. – Кайнен вставил картридж с боеприпасами в пистолет и убрал его в карман халата. – Нам нужно вер-

нуться в бараки. Все наши там. Если действительно что-то случилось, лучше быть с ними.

Шаран молча показала, что согласна. От ее обычной язвительной насмешливости не осталось и следа; она выглядела опустошенной и испуганной. Кайнен постарался как мог подбодрить помощницу.

– Ну же, Шаран, – сказал он, – все будет в полном порядке. Давай просто попытаемся добраться до барakov.

Они начали пробираться по заваленному обломками коридору, как вдруг послышался звук открывающейся двери, ведущей на нижний уровень. Всмотревшись, Кайнен разглядел в полумраке сквозь пыль два громоздких силуэта. Он попятился обратно к лаборатории; Шаран уже успела отступить к двери раньше его. Другим способом покинуть этот этаж был лифт, но он находился за лестничной клеткой. Кайнен понял, что они оказались в ловушке. Пятясь назад, он хлопал по карману; опыта обращения с оружием у него было не больше, чем у Шаран, и он сильно сомневался, что сможет на таком расстоянии поразить хотя бы одну цель, не говоря уж про две, каждая из которых предположительно была подготовленным и обученным солдатом.

– Администратор Кайнен! – вдруг произнес один из силуэтов.

– Что? – непроизвольно откликнулся Кайнен, тотчас же пожалев о том, что выдал себя.

– Администратор Кайнен, – продолжал силуэт, – мы при-

шли для того, чтобы забрать вас отсюда. Оставаться здесь небезопасно.

Шагнув в полоску тусклого света, силуэт превратился в Атена Рандта, одного из командующих базой. Только теперь Кайнен наконец узнал его по знакам различия и панцирю. Атен Рандт принадлежал к клану энешанцев, и Кайнену даже после такого продолжительного срока, проведенного на базе, все они по-прежнему казались на одно лицо.

– Кто на нас напал? – спросил Кайнен. – Как неприятелю удалось обнаружить базу?

– У нас до сих пор нет полной определенности относительно того, кто на нас напал и почему, – сказал Атен Рандт.

Щелчки его ротовых органов переводились в распознаваемую речь с помощью небольшого устройства, которое висело у него на шее. Сам Атен понимал Кайнена без каких-либо дополнительных приспособлений.

– Планета подверглась бомбардировке с орбиты, и нам лишь только что удалось засечь неприятельский спускаемый аппарат, который приземлился на поверхность.

Рандт надвигался на Кайнена, которому пришлось сделать над собой усилие, чтобы не вздрогнуть. Несмотря на длительную совместную работу и относительно неплохие отношения, он до сих пор чувствовал себя неуютно в присутствии представителей этой расы огромных разумных членистоногих.

– Администратор Кайнен, ни в коем случае нельзя допу-

стить, чтобы вас здесь обнаружили. Необходимо уйти отсюда до того, как база будет захвачена.

– Хорошо, – согласился Кайнен.

Он кивнул Шаран, чтобы та следовала за ним.

– Нет, она должна остаться, – остановил ее Атен Рандт. –

Приказ касается только вас.

Кайнен остановился.

– Она моя помощница, – сказал он. – Мне без нее не обойтись.

База содрогнулась от очередного близкого разрыва. Кайнен почувствовал, что его швырнуло в стену, после чего он рухнул на пол. Падая, Кайнен успел обратить внимание, что ни Атен Рандт, ни второй солдат-энешанец не сдвинулись с места.

– Администратор Кайнен, сейчас не самое подходящее время для того, чтобы вступать в пререкания.

Механический преобразователь речи придал этому замечанию сарказм, на который не рассчитывал говоривший.

Кайнен начал было снова возражать, но Шаран мягко взяла его за руку.

– Кайнен, он прав, – сказала она. – Ты должен убраться отсюда. Будет плохо, если здесь обнаружат кого-либо. Но если найдут тебя, это будет уже катастрофа.

– Я тебя не оставляю, – упрямо произнес он.

– Кайнен, – промолвила Шаран, указывая на Атена Рандта, бесстрастно стоявшего рядом. – Он является здесь од-

ним из самых высокопоставленных военных. Мы подверглись нападению. Из-за пустяков его не стали бы посылать за нами. Кроме того, в любом случае сейчас не время для споров. Так что ступай. А я уж как-нибудь найду дорогу в бараки сама. Не забывай, мы находимся здесь уже достаточно давно. Я помню, как туда идти.

Задержав на Шаран взгляд, Кайнен указал на солдата-энешанца, который сопровождал Атена Рандта.

– Вот ты, – сказал он. – Ты проводишь ее до барakov.

– Администратор Кайнен, он нужен мне здесь, – возразил Рандт.

– Со мной вы управитесь и один, – настаивал Кайнен. – А если мою помощницу не проводит ваш солдат, я пойду провожать ее сам.

Прикрыв конечностью преобразователь речи, Атен подождал к себе солдата. Прижавшись друг к другу, они защелкали ротовыми органами вполголоса, хотя в этом не было никакой необходимости, поскольку Кайнен все равно не понимал энешанский язык. Наконец солдат отошел от своего начальника и встал рядом с Шаран.

– Он проводит вашу помощницу до барakov, – сказал Атен Рандт. – Но от вас я больше не потерплю никаких возражений. Мы и так уже потеряли слишком много времени. Администратор Кайнен, следуйте за мной.

Схватив Кайнена за руку, он потащил его к двери на лестницу. Оглянувшись, Кайнен увидел, что Шаран с опаской

смотрит на огромного солдата-энешанца. Но тут Атен Рандт толкнул его за дверь, и помощница, она же любовница Кайнена, скрылась из виду.

– Вы делаете мне больно, – недовольно заметил Кайнен.

– Тише! – шикнул Атен Рандт, подталкивая его к лестнице.

Они начали подниматься, и энешанец на своих коротких и с виду слабых нижних конечностях не отставал от Кайнена.

– Ушло слишком много времени на то, чтобы вас разыскать, и еще больше на то, чтобы вы наконец соизволили тронуться в путь. Почему вас не было у себя в бараке?

– Нам надо было завершить один эксперимент, – объяснил Кайнен. – Как будто здесь можно найти другие развлечения! Куда мы сейчас направляемся?

– Вверх, – ответил Атен Рандт. – Нам нужно добраться до подземной служебной железной дороги.

Остановившись, Кайнен обернулся к Атену Рандту, который сейчас, из-за нескольких разделяющих их ступеней, оказался одного с ним роста.

– Эта дорога ведет в оранжерею гидропоники, – сказал он.

Кайнен, Шаран и остальные члены его группы время от времени отправлялись туда, чтобы отдохнуть среди зеленых растений. Поверхность планеты никак нельзя было назвать гостеприимной, если только вы не испытываете страсть к жутким морозам; поэтому оранжерея гидропоники заменяла прогулки на улице.

– Эта оранжерея устроена в естественной пещере, – пояснил Атен Рандт, подталкивая Кайнену, чтобы тот шел дальше. – За ней протекает подземная река по изолированному руслу. Она впадает в подземное озеро. И там спрятан маленький жилой модуль, в котором вы и разместитесь.

– Вы мне никогда раньше об этом не говорили, – заметил Кайнен.

– Мы не предполагали, что возникнет такая необходимость.

– Мне придется добираться до жилого модуля вплавь?

– Там есть небольшая подводная лодка, – успокоил Атен Рандт. – В ней будет несколько тесновато, даже вам. Но она запрограммирована в автоматическом режиме плыть к модулю.

– И долго мне придется там оставаться?

– Будем надеяться, совсем недолго. Потому что альтернатива этому – пробыть в жилом модуле очень долго. Администратор Кайнен, осталось подняться еще на два пролета.

Наконец они остановились у двери наверху. Пока Кайнен пытался перевести дыхание, Атен Рандт защелкал ротовыми органами в устройство связи. Сквозь толщу коры планеты и бетон стен сверху доносились отголоски сражения.

– Неприятель подошел к самой базе, но пока что нам удастся сдерживать его на поверхности, – опутив связное устройство, объяснил Кайнену энешанец. – До этого уровня враги еще не добрались. Будем надеяться, нам удастся пере-

править вас в безопасное место. Следуйте за мной, администратор Кайнен. Не отставайте. Вы все поняли?

– Все понял, – подтвердил Кайнен.

– В таком случае пошли, – сказал Атен Рандт.

Угрожающе подняв свое весьма страшное на вид оружие, он открыл дверь и прошел в коридор. Как только энешанец начал двигаться, Кайнен увидел, что его нижние конечности удлиннились, так как из панциря выдвинулись дополнительные суставы. Этот ускорительный механизм, позволяющий энешанцам в бою развивать поразительную скорость, напомнил Кайнену мерзких пресмыкающихся, вызывавших у него отвращение в детстве. Подавив неприязненную дрожь, он поспешил, догоняя Атена Рандта, то и дело спотыкаясь о груды обломков, которыми был усеян коридор. Продвижение к небольшой железнодорожной станции в противоположном конце уровня было мучительно медленным.

Выбившись из сил, Кайнен догнал Атена Рандта только тогда, когда тот уже изучал органы управления небольшого локомотива с открытым пассажирским отделением. Энешанец уже отстыковал локомотив от остальных вагонов.

– Я же просил вас не отставать, – недовольно произнес он.

– Кое-кто из нас уже не молод и не умеет вдвое увеличивать длину ног, – запыхавшись, произнес Кайнен. Он указал на локомотив: – Мне предстоит ехать вот на этом?

– Нам следовало бы пройти пешком, – сказал Атен Рандт, и у Кайнена от этих слов сразу же заныли уставшие ноги. –

Но я боюсь, что вы долго так не выдержите, а времени – в обрез. Так что придется рискнуть и прокатиться на этой штуковине. Садитесь.

Кайнен с облегчением забрался в просторное пассажирское отделение, где без труда поместились бы два энешанца. Атен Рандт разогнал локомотив до максимальной скорости, что приблизительно вдвое превышало скорость его собственного спринтерского рывка – а в тесном петляющем туннеле это было очень быстро, – после чего, развернувшись вперед, снова поднял оружие, пристально вглядываясь в туннель.

– Что станет со мной, если база все же окажется захвачена? – спросил Кайнен.

– В жилом модуле вы будете в полной безопасности, – заверил его Атен Рандт.

– Да, но если база будет захвачена, кто за мной придет? Я же не смогу оставаться в модуле вечно, и мне неизвестно, как из него выбираться. И каким бы хорошо подготовленным ни был этот ваш модуль, рано или поздно запасы продовольствия в нем закончатся. Я уж не говорю про свежий воздух.

– Модуль оснащен устройством извлечения кислорода, растворенного в воде, – успокоил его Атен Рандт. – Так что смерть от удушья вам не грозит.

– Замечательно, – сказал Кайнен. – Но остается еще смерть от голода.

– Озеро имеет сток... – начал было энешанец, но тут ло-

комотив, внезапно дернувшись, сошел с рельсов.

В грохоте обвалившегося свода туннеля потонули все остальные звуки; Кайнен и Атен Рандт на мгновение влетели во внезапно наступившую темноту, наполненную пылью.

Неопределенное время спустя Кайнен очнулся от того, что его тряс, приводя в чувство, Атен Рандт:

– Администратор Кайнен, проснитесь же наконец!

– Я ничего не вижу, – пробормотал Кайнен.

Рандт вместо ответа зажег ослепительно-яркую лампу, закрепленную у него на оружии.

– Благодарю.

– С вами все в порядке? – встревоженно спросил энешанец.

– В полном порядке. Но если такое возможно, мне бы хотелось прожить остаток этого дня без того, чтобы меня швыряли на землю.

Атен щелкнул ротовыми органами, выражая свое согласие, и перевел луч фонарика на завал, перегородивший дорогу. Кайнен начал было подниматься на ноги, но поскользнулся на обломках, которыми был усеян пол туннеля.

Атен Рандт снова перевел луч света на Кайнена.

– Оставайтесь на месте, – сказал он. – Так будет безопаснее.

Яркий луч упал на рельсы.

– Возможно, они еще под током.

Луч света снова метнулся вперед, на обвалившиеся сте-

ны этой неожиданно возникшей тюрьмы. Случайно или нет, обстрел, которому подверглась железнодорожная ветка, надежно закупорил Кайнена и Атен Рандта. В грудях обломков, наглухо перегородивших туннель, не было никаких проходов. Кайнен подумал, что опасность смерти от удушья снова становится реальностью. Атен Рандт продолжал изучать окружающие стены, время от времени обращаясь к связному устройству, которое, судя по всему, не работало. Кайнен уселся на полу, стараясь дышать неглубоко.

Через какое-то время Рандт, отчаявшись найти выход, погасил фонарик, погрузив тесную подземную тюрьму в полную темноту. Но вдруг он встрепенулся и направил луч света на груды обломков, которая перегородила туннель с той стороны, где осталась база.

– В чем дело? – спросил Кайнен.

– Молчите! – остановил его Атен Рандт, подходя к стене и прислушиваясь.

Вскоре Кайнен тоже услышал шум, напоминающий голоса, но не друзей, не тех, кого можно было встретить на планете. И сразу же последовали отголоски взрывов. Неизвестные, находившиеся по ту сторону завала, решили пожаловать в гости.

Поспешно отскочив от груды обломков, Атен Рандт приблизился к Кайнену. Подняв оружие, энешанец ослепил его лучом фонаря.

– Извините, администратор Кайнен, – сказал он, и только

тут до Кайнена дошло, что приказ обеспечивать его безопасность, по-видимому, на этом заканчивался.

Подчиняясь не столько осознанной мысли, сколько инстинкту, Кайнен метнулся в сторону от луча света, и пуля, нацеленная в тело, попала в руку, развернув и бросив его на землю. С трудом поднявшись на колени, он увидел перед собой свою тень: Атен Рандт направил оружие с закрепленным фонарем ему в спину.

– Подождите, – взмолился Кайнен, обращаясь к собственной тени. – Только не в спину! Я понимаю, что вы должны сделать. Но только не в спину. Пожалуйста!

Последовало мгновение тишины, нарушаемой лишь отголосками взрывов за завалом.

– Повернитесь лицом, администратор Кайнен, – наконец сказал Атен Рандт.

Кайнен развернулся, медленно, обдирая колени о битый камень, и сунул руки в карманы халата, словно сковав их наручниками. Атен Рандт тщательно прицелился; имея возможность не торопиться, он навел оружие на голову Кайнена.

– Надеюсь, вы готовы, администратор Кайнен?

– Готов, – подтвердил Кайнен и выстрелил в луч света из пистолета, спрятанного в кармане халата.

Выстрел совпал с очередным взрывом, донесшимся из-за обвалившейся стены. Атен Рандт, судя по всему, понял, что ранен, только тогда, когда из отверстия в панцире хлынула

кровь. Кайнену, который смотрел против света, рана была практически не видна; он различил лишь, что Рандт устоял на ней, а затем снова недоуменно посмотрел на Кайнена. К этому времени тот уже выхватил пистолет из кармана. Он еще трижды выстрелил в энешанца, разряжая картридж с патронами. Атен Рандт чуть подался вперед на передних нижних конечностях и начал заваливаться назад. Его огромная туша опускалась на землю по мере того, как складывались, подгибаясь в суставах, ноги.

– Извини, – обратился к свежему труп Кайнен.

Туннель заполнился пылью, а затем светом: через проход, проделанный в завале, хлынули создания с закрепленными на оружии фонариками.

Одно из них, заметив Кайнена, что-то пролаяло; и тотчас же в него уперлись несколько ослепительных лучей. Выронив пистолет, Кайнен поднял здоровую руку, показывая, что сдается, и отступил от трупа Атена Рандта. От убийства энешанца, совершенного ради спасения своей жизни, мало толку, если захватчикам вздумается продырявить его. Один из них шагнул сквозь лучи света, бормоча что-то на своем языке, и Кайнен наконец смог разглядеть, с какими существами ему придется иметь дело.

Вспомнив основы ксенобиологии, он быстро систематизировал особенности расового фенотипа: двусторонняя симметрия тела, передвигаются на двух конечностях, и, как следствие, нижние конечности разительно отличаются от

верхних; коленные суставы выгнуты в обратную сторону. Приблизительно одних размеров с ним, схожее общее строение. Все это было совсем не удивительно, поскольку подавляющее большинство так называемых разумных созданий передвигается на двух ногах, обладает двусторонней симметрией тела и имеет примерно одинаковые размеры и массу. Именно это обстоятельство делало межрасовые отношения в данной области космического пространства особенно натянутыми. Так много похожих разумных созданий, и так мало пригодных для обитания мест, чтобы удовлетворить всех.

«Но вот и отличия», – подумал Кайнен, разглядывая создание, которое продолжало лаять на него: более широкий торс, плоский живот, общее неуклюжее строение скелета и мускулатуры. Ноги, похожие на обрубки; руки, похожие на дубинки. Ярко выраженные половые признаки (если Кайнен не ошибался, перед ним стояла женская особь). Относительно слабые органы чувств – лишь по паре небольших оптических и слуховых наружных датчиков (голову Кайнена почти полностью опоясывали полосы этих сенсорных приспособлений). Вместо теплоизлучающих складок кожи на голове тонкие ороговевшие волокна. Не впервые Кайнен отметил, что процесс эволюции с точки зрения физического строения обошелся с этой расой весьма сурово. Это делало ее агрессивной и опасной, и соскоблить ее с поверхности планеты, где она успела угнездиться, крайне трудно. В чем и заключалась главная проблема.

Создание, стоявшее перед Кайненом, снова что-то про-
бормотало, после чего достало какой-то короткий зловещий
предмет. Кайнен посмотрел прямо в его оптические датчи-
ки.

– Люди, мать вашу!..

Создание направило на него таинственный предмет; ощу-
тив толчок, Кайнен увидел пляшущие разноцветные огонь-
ки и повалился на землю – в последний раз за этот день.

– Вы меня помните? – спросило сидящее за столом чело-
веческое существо, когда Кайнена ввели в комнату.

Тюремщики снабдили его специальным стулом, рассчи-
танным на его выгнутые в обратную сторону (с их точки зре-
ния) колени. Человеческое существо говорило, а перевод по-
ступал из громкоговорителя, установленного на столе. По-
мимо него единственным предметом на столе был шприц,
наполненный прозрачной жидкостью.

– Вы – тот солдат, который меня оглушил, – ответил Кай-
нен.

Громкоговоритель не предложил перевод его ответа, из
чего можно было сделать вывод, что у солдата где-то спря-
тано еще одно устройство-переводчик.

– Совершенно верно, – подтвердил человек. – Я – лейте-
нант Джейн Саган.

Она указала на стул:

– Пожалуйста, садитесь.

Кайнен сел.

– Оглушать меня не было никакой необходимости, – пожаловался он. – Я бы и сам последовал за вами.

– У нас были свои причины на то, чтобы лишить вас сознания, – сказала Саган. Указав на раненую руку, простреленную Атенем Рандтом, она спросила: – Как ваша рука?

– По-моему, замечательно, – ответил Кайнен.

– Мы не смогли залечить рану полностью. Наши медицинские технологии способны быстро заживлять любые травмы человеческих организмов, но вы рраей, а не человек. Полного соответствия во внутреннем строении не существует. Однако мы сделали все, что смогли.

– Благодарю вас.

– Смею предположить, вас ранил тот энешанец, рядом с которым мы вас обнаружили, – сказала Саган. – Тот, которого вы застрелили.

– Да, – подтвердил Кайнен.

– Мне очень любопытно, с чего это вы вздумали стрелять друг в друга.

– Этот энешанец собирался меня убить, а я не хотел умирать.

– Сразу же напрашивается вопрос: почему он желал вашей смерти?

– Меня держали здесь пленником, – сказал Кайнен. – Полагаю, у энешанца был приказ меня убить, чтобы исключить возможность моего попадания в плен.

– Вас держали пленником, – повторила Саган. – Однако вам оставили оружие.

– Я его нашел.

– Вот как. Плохо у энешанцев обстояли дела с внутренней безопасностью. Совсем на них не похоже.

– Все мы совершаем ошибки.

– А остальные рраей, которых мы обнаружили на базе? – спросила Саган. – Их тоже держали здесь в плену?

– Совершенно верно, – подтвердил Кайнен. Его захлестнула волна беспокойства за судьбу Шаран и остальных членов группы.

– И каким же образом вы попали в плен к энешанцам? – спросила Саган.

– Мы находились на рраейском космическом корабле, который должен был доставить нас в одну из колоний для медицинской ротации, – объяснил Кайнен. – Энешанцы напали на наш корабль. Они взяли его на abordаж, захватили меня и моих людей в плен и доставили сюда.

– И давно это случилось?

– Точно сказать не могу. Здесь мы жили по энешанскому военному времени, я плохо разбираюсь в этих единицах измерений. А что касается периода обращения планеты, она крутится очень быстро, что еще больше все запутывает. И поскольку я совершенно не знаком с тем, как измеряют временные интервалы у людей, у меня нет возможности дать вам точный ответ.

– У нашей разведки нет никаких сведений о том, что за прошедший год – по-вашему, около двух третей «хкеда» – хотя бы один корабль рраей подвергся нападению со стороны энешанцев, – сказала Саган, используя рраейский термин для обозначения периода полного обращения их родной планеты вокруг своего солнца.

– Быть может, ваша разведка не так хороша, как вы думаете, – заметил Кайнен.

– Возможно, – согласилась Саган. – Так или иначе, энешанцы и рраей формально остаются в состоянии войны, и нападение на корабль не осталось бы незамеченным. А ваши два народа воевали и из-за меньших причин.

– Я могу сказать вам только то, что мне известно, – настаивал Кайнен. – Нас заставили покинуть борт корабля и доставили на эту базу. Я могу лишь строить догадки относительно того, что происходило и чего не происходило за пределами базы в течение всего последующего времени.

– Значит, вас держали на базе пленником, – уточнила Саган.

– Да.

– Мы осмотрели всю базу и обнаружили лишь небольшую гауптвахту, – продолжала Саган. – Нет никаких указаний на то, что вас содержали под стражей.

Кайнен издал звук, который у рраей считается эквивалентом грустного смешка.

– Раз вы осмотрели базу, не сомневаюсь, вы осмотрели и

поверхность планеты. Если бы кто-нибудь и попытался бежать, он замерз бы, не успев далеко уйти. Я уж не говорю о том, что бежать здесь просто некуда.

– Откуда вам это известно? – быстро спросила Саган.

– Нам сказали энешанцы. И ни у кого из моих сотрудников не возникло желания совершить экскурсию, чтобы проверить этот постулат.

– Значит, о планете вам больше ничего не известно.

– Иногда на ней холодно, иногда еще холоднее, – ответил Кайнен. – Этими сведениями и ограничиваются все мои познания.

– Вы – врач, – сказала Саган.

– Этот термин мне незнаком. – Кайнен указал на громкоговоритель: – Ваша машина недостаточно умна, чтобы найти его эквивалент в моем языке.

– Вы по профессии медик, – пояснила Саган. – Занимаетесь медициной.

– Да, это так, – подтвердил Кайнен. – Моей специальностью является генетика. Именно поэтому я со своими сотрудниками оказался на борту того корабля. Одна из наших колоний подверглась эпидемии заболевания, влияющего на генное секвенирование и деление клеток. Мы были направлены туда для того, чтобы исследовать это заболевание и, если возможно, найти средство борьбы с ним. Уверен, если вы осмотрели базу, вы видели наше оборудование. Энешанцы, захватившие нас, были настолько любезны, что выдели-

ли нам место для устройства лаборатории.

– С чего бы это? – удивилась Саган.

– Вероятно, они считали, что, если мы будем заняты своими делами, им с нами будет меньше хлопот, – предположил Кайнен. – Если это так, они оказались правы, потому что, как правило, мы держались сами по себе и старались избегать любых неприятностей.

– Если только не считать кражу оружия, так?

– Пистолет у меня уже довольно давно. Наверное, я не вызывал у энешанцев подозрений.

– Оружие, которым вы воспользовались, разработано под рраей, – заметила Саган. – Непонятно, как оно оказалось на энешанской военной базе.

– Должно быть, похитители забрали пистолеты с нашего корабля, – предположил Кайнен. – Не сомневаюсь, тщательно осмотрев базу, вы обнаружите и другие предметы производства рраей.

– Итак, просуммируем сказанное. Вы и ваша команда медицинских работников неопределенное время назад были захвачены энешанцами и доставлены сюда, где вас держали на положении пленников, не позволяя связаться с вашим народом. Вы понятия не имеете, где находились и какие планы были в отношении вас у энешанцев.

– Совершенно верно, – согласился Кайнен. – Я только могу добавить, что, по-видимому, энешанцы не хотели, чтобы в случае захвата базы кому бы то ни было стало известно

о моем присутствии здесь, потому что один из них пытался меня убить.

– Это так, – подтвердила Саган. – Боюсь, вам удалось постоять за себя лучше, чем остальным вашим сотрудникам.

– Не понимаю, что вы хотите сказать.

– Вы – единственный рраей, которого мы обнаружили живым, – объяснила Саган. – Все остальные были расстреляны энешанцами. Почти все трупы находились, насколько мы поняли, в бараках. Один мы нашли неподалеку, судя по всему, от вашей лаборатории, поскольку внутри находились приборы и оборудование рраей.

Кайнен ощутил приступ тошноты.

– Вы лжете... – прошептал он.

– Нет.

– В таком случае их убили вы, люди! – гневно воскликнул Кайнен.

– Один из энешанцев пытался убить вас, – напомнила Саган. – Почему вы так уверены, что другие не расправились с остальными членами вашей команды?

– Я вам не верю, – упрямо произнес Кайнен.

– Могу понять, почему вы не хотите мне верить, – сказала Саган. – И тем не менее это правда.

Кайнен молчал, объятый горем. Саган его не торопила.

– Ну хорошо, – наконец сказал он. – Объясните, что вам от меня нужно.

– Для начала, администратор Кайнен, нам бы хотелось

услышать от вас правду.

Ошеломленный, Кайнен не сразу осознал, что это человеческое существо впервые обратилось к нему по имени. И по должности.

– Я говорил вам правду, – растерянно пробормотал он.

– Чушь собачья! – отрезала Саган.

Кайнен снова указал на громкоговоритель:

– Я плохо понимаю перевод.

– Вы – администратор Кайнен Суен Су, – отдельно произнесла Саган. – И хотя вы действительно обладаете определенными познаниями в медицине, основными вашими занятиями являются ксенобиология и разработка полуорганических нейронных сетевых оборонительных систем – на мой взгляд, эти две области знаний тесно связаны друг с другом.

Кайнен ничего не ответил. Саган продолжала:

– А теперь, администратор Кайнен, позвольте изложить вам малую толику того, что известно нам. Пятнадцать месяцев назад рраей и энешанцы еще продолжали вести войну, которая ни шатко ни валко длится уже свыше тридцати лет, войну, которую мы всячески поощряем, потому что она отвлекает ваши силы и не дает вам вцепиться нам в загривок.

– Это не совсем так, – возразил Кайнен. – Не надо забывать сражение за Коралл.

– Да, вы правы, – согласилась Саган. – Я там была. Это едва не стоило мне жизни.

– Я потерял на Коралле брата, – сказал Кайнен. – Млад-

шего. Возможно, вы с ним встречались.

– Возможно, и встречались. Пятнадцать месяцев назад рраей и энешанцы были заклятыми врагами. И вдруг они перестали быть таковыми, и наша разведка не смогла определить никаких причин, почему это могло произойти.

– Мы уже обсуждали неэффективность вашей разведки, – напомнил Кайнен. – Все расы то воюют друг с другом, то заключают мир. Так, например, после Коралла мы с вами прекратили воевать.

– Воевать мы прекратили потому, что мы вас разгромили. Вы ретировались, а мы отстроили Коралл заново. Вот вам и причина прекращения войны, по крайней мере на какое-то время. Но ни у вас, ни у энешанцев причин стремиться к миру нет. Это-то нас и беспокоит.

Три месяца назад разведывательный спутник, который мы разместили рядом с этой планетой, обнаружил свидетельства того, что к этому предположительно необитаемому миру началось регулярное движение космических кораблей, как энешанских, так и рраейских. Особенно любопытным для нас стало то, что претендуют на эту планету не энешанцы, не рраей, а обиняне. Обиняне плохо ладят с соседями, администратор Кайнен, при этом они достаточно сильны, так что и энешанцы, и рраей хорошенько подумают, прежде чем совать нос в их владения.

Поэтому мы вывели на орбиту планеты более совершенный спутник, которому предстояло обнаружить следы посе-

лений. Нам так и не удалось ничего найти. Как специалист по оборонным системам, администратор Кайнен, попробуйте высказать догадку: почему?

– Я бы предположил: база надежно защищена.

– Совершенно верно, – подтвердила Саган. – И, как это ни странно, той самой сетевой оборонительной системой, разработка которой является вашей специализацией. Разумеется, тогда мы этого не знали, но сейчас знаем.

– Извините, каким образом вам удалось обнаружить базу, если она защищена? – спросил Кайнен. – Мной движет профессиональное любопытство.

– Бросая камешки, – усмехнулась Саган.

– Прошу прощения?

– Мы бросали камни. Месяц назад высыпали на планету несколько десятков сейсмических датчиков, запрограммированных на отслеживание сейсмических сигнатур, которые присущи подземным сооружениям, созданным разумными существами. Опыт показывает, что тайные базы проще защитить, когда они скрыты под землей. Мы исходили из того, что естественная сейсмическая активность планеты позволит существенно сузить круг поисков. Выделив интересные нас места, мы снова сбросили камни. И наконец сегодня, непосредственно перед нападением, мы послали еще несколько датчиков, чтобы получить точный акустический образ базы. Камни подходят для этой цели как нельзя лучше, потому что они похожи на естественные метеориты. Их

никто не боится. И никому в голову не приходит защищаться от сейсмического зондирования. В настоящее время все расы разумных существ поглощены созданием заумных систем защиты от оптического и высокоэнергетического электромагнитного сканирования. Акустические волны уже давно не считают опасными. Это распространенное заблуждение высоких технологий: эффективность более примитивных методов ставится под сомнение.

– Ну, разве что людям придет в голову стучать друг о друга камнями, – презрительно промолвил Кайнен.

Саган пожала плечами:

– Мы ничего не имеем против, когда кто-то приносит для поединка на ножах пистолет. В этом случае гораздо проще вырезать ему сердце. Или тот орган, который качает кровь по телу. Ваша излишняя самоуверенность оказалась нам на руку. В чем вы можете легко убедиться, так как сидите передо мной. Но на самом деле нам очень хочется узнать, администратор Кайнен, почему вы здесь. Нас озадачило уже одно то, что энешанцы и рраей затеяли какие-то совместные действия. Но энешанцы, рраей и обиняне? Это уже что-то интересное.

– Мне ничего не известно о том, кому принадлежит эта планета, – сказал Кайнен.

– Но еще больший интерес представляете вы, администратор Кайнен, – пропустив его замечание мимо ушей, продолжала Саган. – Пока вы спали, мы осуществили генное ска-

нирование и установили, кто вы такой. Затем, сверившись с архивами космического корабля, мы ознакомились с вашим прошлым. И узнали, что в ксенобиологии вас в первую очередь интересовали люди. Вероятно, среди праеи вы ведущий специалист по генетике человека. И нам известно, что особенно вас интересует работа человеческого мозга.

– Это является частью моего общего увлечения нейронными сетями, – сказал Кайнен. – Никакого особенного, как вы сказали, интереса к работе человеческого мозга я не испытываю. Каждый мозг интересен по-своему.

– Как скажете. Однако, чем бы вы здесь ни занимались, это было настолько важно, что энешанцы пошли на то, чтобы расправиться с вами и с вашими сотрудниками, лишь бы никто не попал к нам в руки.

– Я же говорил вам, что нас держали в плену, – упрямо повторил Кайнен.

Саган закатила глаза:

– Администратор Кайнен, давайте на минуту притворимся, что мы с вами не дураки.

Подавшись вперед, Кайнен наклонился над столом, за которым сидела Саган.

– К какому типу людей вы принадлежите? – спросил он.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Саган.

– Нам известно, что люди делятся на три типа. – Подняв руку, Кайнен стал перечислять разновидности, загибая пальцы, гораздо более длинные и подвижные, чем человеческие:

– Во-первых, немодифицированные люди, те, кто колонизирует планеты. Они встречаются самых разных окрасок и размеров – тут прослеживается хорошее генетическое разнообразие. Ко второй группе относится большинство ваших солдат. Они также отличаются размерами и формой, но в значительно меньшей степени, и у всех одна и та же окраска: зеленая. Нам известно, что эти солдаты живут не в своих собственных телах – их сознание перенесено из тел пожилых особей вашего вида в более сильные, более молодые тела. Эти тела подверглись такой сильной генетической модификации, что лишились возможности производить потомство, спариваясь как между собой, так и с немодифицированными людьми. И все же они по-прежнему сохраняют достаточно человеческих свойств – в первую очередь это относится к строению головного мозга. Но вот третий тип...

Кайнен откинулся назад:

– До нас доходят самые разные слухи, лейтенант Саган.

– И какие же?

– Якобы эти люди воссозданы из мертвых. То есть зародышевая плазма мертвых людей многократно смешивается с генетическим материалом других видов с целью посмотреть, что получится. В некоторых из этих людей нет ничего человеческого – хотя сами они считают себя таковыми. Они рождаются уже взрослыми, обладая навыками и способностями, но не имея воспоминаний. И не только воспоминаний. Эти люди лишены своего «я». Полностью лишены морали. Ка-

ких-либо сдерживающих факторов. Лишены...

Кайнен остановился, подбирая подходящее слово.

– ...человечности, – наконец сказал он. – Как выразились бы вы. Дети-воины во взрослых телах. Отвратительные чудовища. Орудия в руках вашего Союза колоний для решения задач, которые нельзя поручить солдатам, имеющим жизненный опыт и моральные принципы, у кого есть страх за свою душу, в этой жизни или в следующей.

– Ученый, которого беспокоит душа... – удивленно протянула Саган. – По-моему, не совсем прагматичный подход.

– Да, я ученый, но в первую очередь я рраей, – напомнил Кайнен. – Я знаю, что у меня есть душа, и я о ней беспокоюсь. А у вас, лейтенант Саган, есть душа?

– Если и есть, администратор Кайнен, мне о ней ничего не известно, – сказала Саган. – Это понятие не поддается количественной оценке.

– Значит, вы действительно относитесь к третьему типу людей.

– Совершенно верно, – подтвердила Саган.

– Вы созданы из плоти мертвых.

– Из генного материала, – поправила Саган. – Не из плоти.

– Гены создают плоть, лейтенант, – возразил Кайнен. – Именно в их грезах рождается плоть, в которой обитает душа.

– А вы прямо-таки поэт.

– Это не мои слова. Так высказалась одна из наших фило-

софов. Которая к тому же была ученым. Но вы не можете ее знать. Позвольте спросить, сколько вам лет?

– Семь, почти восемь, – ответила Саган. – Около четырех с половиной ваших хкедов.

– Такая молодая... Рраей в вашем возрасте только-только начинают учиться. Я старше вас больше чем в десять раз, лейтенант.

– И тем не менее вот мы сидим друг напротив друга.

– Да, сидим, – согласился Кайнен. – Очень жаль, лейтенант, что мы с вами не встретились при других обстоятельствах. Мне бы хотелось познакомиться с вами поближе.

– Даже не знаю, что на это ответить. «Благодарю вас» подходит едва ли, если учесть, что именно вы подразумевали под словами «познакомиться поближе».

– Вам бы сохранили жизнь.

– О, какое счастье, – усмехнулась Саган. – Но в каком-то смысле вам суждено будет удовлетворить это желание. Сообщаю вам, что вы взяты в плен – на этот раз по-настоящему – и останетесь пленником до конца дней своих.

– Я сам уже догадался об этом, когда вы стали рассказывать мне о том, что я мог бы передать своему правительству, – сказал Кайнен. – Как, например, об этом трюке с камнями. Хотя, сказать по правде, я полагал, вы меня убьете.

– Мы, люди, очень прагматичны, администратор Кайнен. Вы обладаете знаниями, которые могут быть нам полезны. Если вы согласитесь сотрудничать, нет никаких причин, ко-

которые могли бы помешать вам продолжать заниматься исследованием генных структур и головного мозга человека. Но только не для рраей, а для нас.

– Для этого мне придется лишь предать свой народ, – заметил Кайнен.

– Что поделаешь.

– Наверное, я все же предпочту смерть.

– При всем уважении к вам, администратор Кайнен, если бы вы действительно так считали, то, вероятно, не стали бы стрелять в энешанца, который собирался сегодня вас убить, – возразила Саган. – Полагаю, вы хотите жить.

– Возможно, вы правы. Но, правы вы или нет, дитя мое, больше нам говорить не о чем. Я уже сказал все, что был готов сказать по своей воле.

Саган усмехнулась:

– Администратор Кайнен, знаете ли вы, что общего у людей и рраей?

– У нас с вами много общего, – сказал Кайнен. – Что именно вы имеете в виду?

– Генетическое строение. Надеюсь, вам не надо объяснять, что между генным секвенированием человека и генным секвенированием рраей существует множество незначительных отличий. Однако на макроскопическом уровне у нас много общего, в том числе и то, что один набор генов мы получаем от одного родителя, а другой – от второго. Так называемое двуполое размножение.

– Обычная форма полового воспроизводства среди видов, размножающихся половым способом, – согласился Кайнен. – Некоторым видам для размножения требуется трое или даже четверо родителей, но это встречается крайне редко. Слишком уж неэффективно.

– Вне всякого сомнения, – подтвердила Саган. – Администратор Кайнен, а вам приходилось слышать о синдроме Фронига?

– Это редкое генетическое заболевание среди рраей. Очень редкое.

– Из того, что мне известно о нем, получается, что это заболевание является следствием искажения двух независимых наборов генов, – продолжала Саган. – Один набор регулирует развитие нервных клеток, в том числе создает вокруг них электроизолирующий слой. Второй набор отвечает за орган, который вырабатывает рраейский аналог того, что люди называют лимфой. Эта жидкость у вас выполняет часть функций лимфы, а также некоторые другие функции. Человеческая лимфа проводит электричество, но у вашей расы эта жидкость является диэлектриком. Из того, что нам известно о физиологическом строении рраей, следует, что от этого диэлектрического свойства лимфы вам ни тепло ни холодно, – точно так же, как электрическая проводимость человеческой лимфы не является ни плюсом, ни минусом. Она просто есть, и все.

– Да.

– Но для тех рраей, которым не повезло получить два ущербных генных набора, это диэлектрическое свойство является преимуществом, – продолжала Саган. – Эта жидкость течет в межклеточном пространстве, в том числе омывает нервные клетки. Это не позволяет сбиваться с пути электрическим зарядам, которые вырабатываются нервными окончаниями. Любопытное в вашей лимфе то, что ее состав контролируется на гормональном уровне, и малейшее изменение гормонального сигнала превращает ее из диэлектрика в проводник. Опять же, для большинства рраей это не имеет никакого значения. Но для тех, кто на генном уровне закодирован иметь обнаженные нервные клетки...

– ...это означает судороги, конвульсии и в конечном счете смерть. Нервные сигналы, по сути дела, вытекают из их тел, – договорил за нее Кайнен. – Неминуемый смертельный исход и является той причиной, по которой данное заболевание встречается так редко. Особи, чей генотип обуславливает электрическую проводимость лимфы и обнаженные нервные окончания, умирают еще во чреве матери, обычно тогда, когда клетки начинают дифференцировать и синдром проявляется впервые.

– Но есть и взрослые, страдающие синдромом Фронига. Генный код изменяет гормональный сигнал позже, в начале половой зрелости. То есть тогда, когда особь уже обладает способностью к воспроизводству и передаче искаженного гена. Однако для этого требуется, чтобы оба родительских гена

были дефектными.

– Да, разумеется, – подтвердил Кайнен. – Это еще одна причина, по которой синдром Фронига встречается так редко; крайне мала вероятность того, что ребенок получит два набора дефектных генов и два набора генов, которые вызывают гормональные изменения в лимфотворном органе. Но объясните, зачем вы мне все это рассказываете?

– Администратор Кайнен, генетический анализ, проведенный тогда, когда вы попали на борт корабля, показывает, что ваш генотип запрограммирован на открытые нервные окончания.

– Да, но склонности к гормональным изменениям у меня нет, – ответил Кайнен. – В противном случае я бы уже давно умер. Синдром Фронига проявляется еще в юности.

– Совершенно верно, – согласилась Саган. – Но эти гормональные изменения можно вызвать внешним воздействием, уничтожив определенные пучки клеток в лимфотворном органе рраей. Если удалить достаточное количество пучков, отвечающих за нужный гормон, орган по-прежнему будет вырабатывать лимфу. Просто она будет обладать другими характеристиками. В вашем случае – смертельно опасными. И добиться этого очень легко химическим путем.

Кайнен тревожно посмотрел на шприц, который лежал на столе в течение всего разговора.

– И полагаю, здесь как раз тот самый препарат, – сказал он.

– Нет, – усмехнулась Саган, – здесь противоядие.

Джейн Саган пришла к выводу, что администратор Кайнен Суен Су по-своему достоин восхищения: сломать его оказалось очень непросто. Он страшно мучился в течение нескольких часов, пока его лимфотворный орган постепенно заменял лимфу в его организме новой, измененной жидкостью. Проводящая электричество, эта жидкость случайным образом распространяла сигналы нервных окончаний по всему телу, и Кайнен корчился и содрогался в жутких конвульсиях. С каждой минутой проводимость лимфы возрастала, и мучения становились все более невыносимыми. Еще немного, и Кайнен, по всей вероятности, уже просто не смог бы ничего сказать, даже если бы захотел.

Но он все-таки сломался и стал умолять ввести ему противоядие. В конце концов желание жить оказалось слишком сильным. Саган лично ввела Кайнену противоядие (на самом деле не противоядие в прямом смысле этого слова, поскольку отмершие пучки клеток погибли безвозвратно; отныне до конца дней своих Кайнен должен будет ежедневно получать дозу этого препарата). Как только лекарство подействовало, Саган узнала о зреющей войне против человечества, получила общее представление о планах покорения и полного уничтожения всей человеческой расы. Геноцид был спланирован в мельчайших подробностях. В основе его лежало неслышанное объединение трех рас.

И людям предстояло рассчитывать только на себя.

Полковник Джеймс Роббинс с минуту разглядывал полуразложившийся эксгумированный труп на мраморном столе морга, изучая, что сделало гниение с телом, пролежавшим под землей больше года. Он обратил внимание на череп, изуродованный выстрелом из ружья. Заряд дробы снес верхнюю часть черепа, лишив жизни человека, который предал человечество сразу трем враждебным расам. Наконец, оторвавшись от изучения останков, полковник перевел взгляд на капитана Уинтерса, старшего врача орбитальной станции «Феникс».

– Только не говорите мне, что это тело доктора Бутэна, – сказал полковник Роббинс.

– Однако это так, – ответил Уинтерс. – И в то же время не так.

– Знаешь, Тед, за подобный ответ генерал Мэттсон хорошенько надрал бы мне задницу, – заметил полковник. – Надеюсь, ты согласишься объяснить.

– Извини, Джим. – Капитан Уинтерс указал на лежащий на столе труп: – С точки зрения генного анализа это тот, кто тебе нужен. Доктор Бутэн был колонистом, то есть его никогда не перемещали в армейское тело. Следовательно, его тело должно обладать полным исходным набором ДНК. Я выполнил стандартный генный анализ. У этого трупа ДНК Бут-

эна – и ради смеха я также провел тест митохондриальных РНК. Опять же, полное совпадение.

– Так в чем же дело?

– Вся проблема в характере роста костей, – объяснил Уинтерс. – В реальной жизни характер роста человеческих костей постоянно меняется в зависимости от условий окружающей среды, таких как питание и физические упражнения. Если человек провел какое-то время на планете с увеличенной силой тяжести, после чего переселился на планету с низкой гравитацией, это непременно скажется на характере роста его костей. Любой перелом также не пройдет бесследно. Исследуя кости человека, можно проследить весь его жизненный путь.

Уинтерс взял часть левой ноги трупа, отделенной от остального тела, и указал на поперечный разрез бедренной кости:

– Нарастание костного материала в данном случае проходило необычайно равномерно. Я не смог найти никаких следов травм или влияния окружающей среды – только непрерывный рост в условиях великолепного питания и полного отсутствия стресса.

– Бутэн родом с Феникса, – заметил Роббинс. – Планета колонизирована больше двух столетий назад. Это совсем не то, как если бы он рос в какой-нибудь колонии на задворках обитаемой вселенной, где ему приходилось бы постоянно заботиться о пропитании и сражаться с бесчисленными

врагами.

– Пусть так, и все равно у меня ничего не сходится, – не сдавался Уинтерс. – Можно всю жизнь прожить в самом цивилизованном из миров и все равно сломать ногу, упав с лестницы или занимаясь спортом. Конечно, можно дожить до глубокой старости без единого перелома, но много ли найдется таких людей?

Роббинс покачал головой:

– А вот нашему парню это удалось. Хотя на самом деле это не так, поскольку в медицинской карточке Бутэна написано, что он ломал ногу, вот эту самую ногу, – Уинтерс потряс обрубком, – в возрасте шестнадцати лет. Катаясь на горных лыжах. Он налетел на присыпанный снегом валун и заработал перелом бедренной и большой берцовой костей. А тут нет никаких свидетельств этого.

– Я слышал, врачи в наши дни способны творить чудеса, – заметил Роббинс.

– Да, спасибо за комплимент, современные медицинские технологии могут многое, – согласился Уинтерс. – И все же до волшебства им еще далеко. Невозможно сломать бедренную кость так, чтобы не осталось никаких следов. И даже если бы Бутэн прожил жизнь без единого перелома, это не объясняет равномерный характер наращивания костей. Подобного можно добиться, только живя в окружающей среде, начисто лишенной стрессов. Для того чтобы иметь такие кости, Бутэн должен был всю свою жизнь провести в коробке.

– Или в яслях для выращивания клонов, – предположил Роббинс.

– Или в яслях для выращивания клонов, – согласился Уинтерс. – Единственно возможное объяснение состоит в том, что вашему другу когда-то ампутировали ногу, после чего отрастили новую; однако я проверил его медицинскую карточку – такого не происходило. И для полной уверенности я взял образцы костной ткани ребер, тазобедренной кости, лучевой кости руки и черепа – точнее, того, что от него осталось. Во всех образцах наблюдается постоянный, равномерный рост кости. Джим, это клонированное тело.

– В таком случае Чарльз Бутэн по-прежнему жив, – нахмурился Роббинс.

– Этого я утверждать не могу, – сказал Уинтерс. – Однако то, что лежит перед нами, – это не он. Единственной хорошей новостью является то, что, судя по всем физиологическим характеристикам, этот клон пробыл в чане до самой своей смерти. Крайне маловероятно, что он вообще пробудился, находился в сознании и воспринимал окружающую действительность. Только представь себе: каково проснуться и увидеть направленное на тебя дуло – первый и последний зрительный образ. Чертовски замечательная жизнь!

– Итак, если Бутэн жив, – сказал Роббинс, – он к тому же еще и убийца.

Пожав плечами, Уинтерс отложил ногу.

– Это уж тебе лучше знать, Джим. Силы самообороны ко-

лоний постоянно оставляют после себя тела – мы создаем модифицированные супертела для новых рекрутов ССК, а затем, когда срок их службы заканчивается, мы снабжаем их обычными новыми телами, клонированными из исходных ДНК. Так вот, обладают ли эти тела какими-либо правами до того, как мы переносим в них сознание? Каждый раз при переносе сознания остается тело – тело, которое когда-то обладало разумом. У этих тел есть права? Если есть, все мы в большой заднице, потому что избавляемся от них чересчур бесцеремонно. Джим, тебе известно, что происходит с использованными телами?

– Нет, – признался Роббинс.

– Мы их мульчируем, – ответил Уинтерс. – Их слишком много, чтобы проводить захоронение обычным способом. Поэтому мы измельчаем останки, стерилизуем их, после чего превращаем в удобрение. Затем это удобрение мы направляем в новые колонии. Оно помогает приспособить почву к произрастанию растений, которые выращивает человек. Можно сказать, наши новые колонии живут за счет останков умерших. Но только на самом деле это не останки умерших. Это отработанные тела тех, кто продолжает жить. В действительности хороним мы человека только тогда, когда вместе с телом умирает разум.

– Тед, по-моему, тебе стоит подумать о том, чтобы взять отпуск, немного отдохнуть, – предложил Роббинс. – Твоя работа навеивает чересчур мрачные мысли.

– Работа тут ни при чем, – возразил Уинтерс, указывая на останки лже-Чарльза Бутэна. – Как мне поступить вот с этим?

– Захорони их заново.

– Но это же не Бутэн.

– Да, не он, – согласился Роббинс. – Но если Чарльз Бутэн по-прежнему жив, мне бы не хотелось, чтобы он узнал о том, что это известно нам.

Полковник бросил взгляд на тело, лежащее на мраморном столе:

– Ну а это тело, независимо от того, знало ли оно, что с ним происходит, заслуживало лучшей участи. И похоронить его достойно – это меньшее, что мы можем для него сделать.

– Будь проклят этот Чарльз Бутэн! – в сердцах произнес генерал Грег Мэттсон, закидывая ноги на стол.

Полковник Роббинс, стоявший перед ним, промолчал. В присутствии генерала Мэттсона он, как всегда, испытывал некоторое замешательство. Мэттсон возглавлял отдел военных исследований Сил самообороны колоний на протяжении уже почти тридцати лет, но, подобно всему кадровому персоналу ССК, его тело армейского образца не знало старения. Генералу – как и всем сотрудникам ССК – на вид нельзя было дать больше двадцати пяти лет. Полковник Роббинс придерживался того мнения, что каждый военный, поднимающийся по служебной лестнице, должен внешне слегка стареть;

генералу, который выглядел на двадцать пять лет, не доставало определенной степенности.

Роббинс на мгновение попытался представить себе Мэттсона выглядящим на свой настоящий возраст, то есть где-то на сто двадцать пять лет. Перед мысленным взором у него возникло что-то вроде сморщенной мошонки в генеральском мундире. Эта картина доставила бы Роббинсу гораздо большее удовольствие, если бы не то обстоятельство, что сам он в свои девяносто выглядел бы не намного лучше.

И кроме того, нельзя было забывать про второго генерала, также присутствующего в комнате, который, если бы тело выдавало его истинный возраст, наоборот, определенно выглядел бы значительно моложе. Сотрудники Специальных сил смущали Роббинса даже больше простых кадровых военных ССК. Было что-то ненормальное в том, что человек трех лет от роду уже совершенно взрослый и мастерски владеет искусством убивать.

Хотя, разумеется, генералу было не три года. Наверное, он уже достиг отрочества.

– Значит, наш праейский друг сказал нам правду, – подал голос генерал Сциллард, сидящий перед столом. – Ваш бывший глава лаборатории изучения сознания по-прежнему жив.

– Снести череп своему собственному клону – это было очень мило, – произнес генерал Мэттсон голосом, буквально источающим сарказм. – Те бедолаги, что работали под его

началом, после этого на протяжении целой недели соскребали серое вещество с оборудования лаборатории.

Он бросил взгляд на Роббинса:

– Нам известно, как Бутэн это сделал? Я имею в виду, вырастил клон? Такое в тайне не сохранишь. Не мог же Бутэн просто слепить клон из подручных материалов у себя в кладовке.

– Насколько мы смогли определить, Бутэн ввел специальный код в программное обеспечение монитора, следящего за чанами с растущими клонами, – объяснил Роббинс. – Представил все так, будто один из чанов вышел из строя. Затем добился списания якобы неисправного чана, после чего перетащил его в свою личную лабораторию и подключил к собственному серверу и отдельному питанию. Его сервер не был связан с общей системой, чан числился списанным, а доступа в лабораторию, кроме Бутэна, не имел никто.

– Значит, он все же слепил клона у себя в кладовке, – пробормотал Мэттсон. – Вот ублюдок, мать его!

– Вы должны были получить доступ в личную лабораторию Бутэна после его предположительной гибели, – сказал Сциллард. – И вы хотите сказать, никто не нашел странным то, что у него там был припрятан чан для выращивания клонов?

Роббинс открыл было рот, однако за него ответил Мэттсон:

– Поскольку Бутэн был хорошим исследователем – а этого

нельзя отрицать, – у него в распоряжении имелось большое количество списанного оборудования, чтобы он мог совершенствовать его, при этом не трогая ту аппаратуру, которая находилась в работе. И смею предположить, когда мы попали в лабораторию, чан уже был отключен от сервера и питания, осушен и стерилизован.

– Совершенно верно, – подтвердил Роббинс. – Лишь получив ваш доклад, генерал Сциллард, мы сообразили, что к чему.

– Рад, что наша информация оказалась полезной, – сказал Сциллард. – Жаль, что вы не сообразили, что к чему, раньше. Я нахожу просто ужасным тот факт, что в рядах отдела военных исследований оказался предатель – причем не рядовой сотрудник, а глава одной из ведущих лабораторий. Вам уже давно следовало знать.

Роббинс ничего не ответил на это обвинение; о сотрудниках Специальных сил помимо их небывалого военного мастерства было известно лишь то, что они начисто лишены тактичности и терпения. У трехлетней машины, умеющей только убивать, не остается времени на то, чтобы оттачивать умение вести себя в обществе.

– Что знать? – недовольно пробурчал Мэттсон. – Бутэн ничем и никогда не выдавал своих намерений совершить измену. Он прилежно выполнял работу, и вдруг мы находим его у себя в лаборатории покончившим с собой – по крайней мере, так нам казалось. Предсмертной записки он не оста-

вил; вообще не было ничего, что позволило бы предположить, что в его жизни было еще что-нибудь, помимо работы.

– Вы мне уже говорили, что Бутэн вас ненавидел, – напомнил ему Сциллард.

– Бутэн действительно меня ненавидел, и на то у него были веские причины, – подтвердил Мэттсон. – Причем чувство это было взаимным. Однако человек не предаст свою расу только потому, что считает своего начальника сукиным сыном.

Мэттсон указал на Роббинса:

– Вот, например, присутствующий здесь полковник Роббинс также не питает ко мне особых симпатий, и он мой адъютант. Но Роббинс не побежит продавать совершенно секретную информацию праей или энешанцам.

Сциллард смерил Роббинса взглядом:

– Это правда?

– Что именно, сэр? – уточнил полковник.

– То, что вам не по душе генерал Мэттсон.

– Действительно, сэр, для того чтобы к нему привыкнуть, требуется какое-то время, – подтвердил Роббинс.

– Под этим следует понимать, что полковник считает меня полным кретином, – хмыкнул Мэттсон. – И я ничего не имею против. Я вовсе не претендую на звание самого обаятельного. Мои обязанности заключаются в том, чтобы создавать новое оружие и разрабатывать новые военные технологии. Однако вернемся к Бутэну. Какие бы мысли ни бурлили

у него в голове, на мой взгляд, я не имею к этому никакого отношения.

– В таком случае в чем же дело? – спросил Сциллард.

– Вам это должно быть известно лучше, чем нам, Сциллард, – заметил Мэттсон. – Это к вам в руки попал ручной ученый-рраей, которого вы научили пищать.

– Администратор Кайнен никогда не встречался с Бутэн-ом лично – во всяком случае, он так утверждает, – сказал Сциллард. – Ему ничего не известно о мотивах, которые им двигали; он знает только, что Бутэн передал рраей информацию относительно новейших средств аппаратного обеспечения МозгоДруга. Именно над этим работала группа самого Кайнена – пыталась приспособить технологию МозгоДруга к строению мозга рраей.

– Это как раз то, чего нам не доставало, – сказал Мэттсон. – Рраей с суперкомпьютером в голове.

– Похоже, особых успехов Кайнен не добился, – вставил Роббинс, вопросительно глядя на Сцилларда. – По крайней мере, если верить той информации, которую ваши люди обнаружили у него в лаборатории. Строение головного мозга рраей совершенно другое.

– Хоть какая-то радость, – заметил Мэттсон. – Сциллард, не сомневаюсь, вам удалось вытащить из этого типа еще что-то.

– К сожалению, помимо своей работы, администратор Кайнен не смог сообщить нам почти ничего полезного, – от-

ветил Сциллард. – А те немногие энешанцы, которых удалось захватить живыми, скажем так, не пожелали с нами разговаривать. Нам известно, что рраей, энешанцы и обиняне объединились для того, чтобы напасть на нас. Но мы не знаем, почему, как и где; кроме того, мы понятия не имеем, каким боком в этом уравнении участвует Бутэн. Для того чтобы это выяснить, нам нужны ваши люди, Мэттсон.

Генерал Мэттсон кивнул на полковника Роббинса:

– Чем мы можем помочь?

– Бутэн имел доступ к самой разнообразной секретной информации, – ответил Роббинс, обращаясь к Сцилларду. – Его группа занималась переносом сознания, разработкой МозгоДруга и технологиями выращивания тел. Все это может быть полезно противнику – или для того, чтобы разработать собственные аналогичные технологии, или для того, чтобы отыскать слабые места в наших. Сам Бутэн, вероятно, являлся ведущим специалистом в вопросе извлечения рассудка из одного тела и переноса его в другое. И все же существует предел того, что он мог унести с собой. Бутэн был гражданским специалистом. У него самого не было МозгоДруга. Мозг его клона обладал только зарегистрированными протеазами Бутэна, а запасного у него наверняка не было. За протеазами осуществляется самое пристальное наблюдение, и Бутэну пришлось бы потратить несколько недель, подготавливая их. У нас нет никаких данных, которые указывали бы на то, что Бутэн использовал что-либо помимо своих за-

регистрированных протеаз.

– Не забывайте, речь идет о человеке, которому удалось украсть у вас из-под носа чан для выращивания клонов, – напомнил Сциллард.

– Конечно, нельзя исключать, что Бутэн забрал с собой целый архив информации, – заметил Роббинс. – Однако это маловероятно. Скорее он унес с собой только то, что находилось у него в голове.

– Ну а его мотивы? – спросил Сциллард. – Они нам неизвестны, и это самое страшное.

– Меня больше беспокоит то, что известно Бутэну, – сказал Мэттсон. – Даже того, что находилось у него в голове естественным образом, уже может оказаться слишком много. Мне пришлось оторвать несколько групп от работы над своими проектами, чтобы они занялись совершенствованием мер безопасности технологии МозгоДрузей. Что бы ни было известно Бутэну, мы намереваемся сделать так, чтобы все эти данные устарели. А полковнику Роббинсу поручено тщательно прошерстить все то, что Бутэн оставил после себя. Если там что-нибудь есть, мы это непременно найдем.

– После нашего совещания я встречаюсь с одним из бывших сотрудников Бутэна, – сказал Роббинс. – С лейтенантом Гарри Уилсоном. По его словам, у него есть кое-что такое, что может меня заинтересовать.

– В таком случае не будем вас задерживать, – сказал генерал Мэттсон. – Вы свободны.

– Благодарю, сэр. Однако, прежде чем покинуть вас, мне бы хотелось узнать, насколько нас поджигает время. Сведения о Бутэне мы получили после нападения на ту базу. Несомненно, сейчас энешанцам уже известно о том, что мы проведали об их планах. Я бы хотел выяснить, сколько времени есть у нас в запасе до предполагаемого ответного удара.

– Какое-то время у вас будет, полковник, – заверил Роббинса Сциллард. – О том, что мы напали на базу, не известно никому.

– Как такое возможно? – удивился Роббинс. – Я отношусь к Специальным силам с уважением, господин генерал, и все же сохранить в тайне проведение подобной операции крайне трудно.

– В настоящее время энешанцам известно лишь то, что связь с базой потеряна, – объяснил Сциллард. – Когда они станут выяснять причины случившегося, то обнаружат, что каменистый осколок кометы размером с футбольное поле упал на поверхность планеты приблизительно в десяти километрах от базы, полностью уничтожив ее и все вокруг. Энешанцы могут проводить любые эксперименты, какие им вздумается, – они обнаружат лишь свидетельства природного катаклизма. Потому что именно это и произошло на самом деле. Просто потребовалась небольшая помощь.

– Все это очень мило, – заметил полковник Роббинс, указывая на пеструю объемную картинку на голографическом

дисплее, который стоял перед лейтенантом Гарри Уилсоном. – Но я понятия не имею, что ты мне показываешь.

– Это душа Чарли Бутэна, – объяснил Уилсон.

Оторвав взгляд от изображения, Роббинс посмотрел на лейтенанта:

– Прошу прощения?

Уилсон кивнул на дисплей:

– Это душа Чарли, – повторил он. – Или, если точнее, это голографическое представление динамической электрической системы, в которой заключается разум Чарльза Бутэна. Его копия. Наверное, если взглянуть на все с точки зрения философии, можно поспорить, что это – душа Чарли или его разум. Однако если то, что вы говорите насчет Чарли, правда, мозги его по-прежнему при нем, а вот душу свою, я бы сказал, он потерял. И вот она перед нами.

– Меня уверяли, что подобное невозможно, – задумчиво произнес Роббинс. – Без мозга картинка рушится. Именно поэтому перенос сознания осуществляется только так: из одного живого тела в другое.

– Ну, я не знаю, почему мы переносим сознание именно так, – сказал Уилсон. – Лично я считаю, что просто мало кто с готовностью позволил бы технику ССК высосать разум из черепа, зная, что его лишь засунут в память компьютера. Вы сами пошли бы на такое?

– О господи, разумеется, нет, – пробормотал Роббинс. – Я и так чуть не наделал от страха в штаны, когда меня пере-

носили в это тело.

— Ваше признание является лучшим доказательством моих слов, — сказал Уилсон. — Но, впрочем, вы правы. До вот этого... — он указал на голограмму, — ни о чем подобном мы не смели и мечтать.

— В таком случае как же это удалось Бутэну?

— Разумеется, за счет обмана, — сказал Уилсон. — Все началось полтора года назад. До того Чарли и всем остальным приходилось иметь дело с технологиями, созданными людьми, а также с тем, что нам удалось одолжить и спереть у других рас. А большинство разумных рас в нашей части космического пространства обладают технологиями примерно одного уровня, поскольку более слабые были изгнаны со своих земель или просто перебиты. Но есть в наших краях один вид, который на световые года оторвался от всех остальных.

— Консу, — произнес Роббинс, мысленно представляя одного из них: огромного, похожего на краба, бесконечно более продвинутого.

— Совершенно верно, — подтвердил Уилсон. — Консу передали рраей часть своих технологий, когда пару лет назад те совершили нападение на нашу колонию на Коралле; затем мы в свою очередь похитили эти технологии у рраей, нанеся ответный удар. Я входил в группу специалистов, которым было поручено разобраться с захваченными трофеями, и, смею вас заверить, в большинстве случаев нам до сих пор так и не удалось понять, что есть что. Но одна из крупинок,

которые мы все же смогли обмозговать, была передана Чарли Бутэну для дальнейшей работы. Ему предстояло усовершенствовать процесс переноса сознания. Вот как мы с ним познакомились: я обучал его использовать то, что нам удалось раскусить. И, насколько я понимаю, Чарли оказался способным учеником. Разумеется, работа идет гораздо быстрее, когда в руках появляется более качественный инструмент. Получив технологии консу, мы совершили скачок от высекания искр из камней к использованию ацетиленовой горелки.

– Но вам об этом ничего не было известно, – предположил Роббинс.

– Да, – подтвердил Уилсон. – Мне довелось видеть кое-что подобное – с помощью технологий консу Чарли усовершенствовал процесс переноса сознания, которым мы пользовались. Теперь мы можем осуществлять это через буфер, а не напрямую, что делает процесс переноса менее уязвимым перед сбоем на передающем или приемном конце. Но вот об этой штучке Бутэн не рассказал никому. Я обнаружил ее только после того, как вы попросили меня покопаться в его личных архивах. Нам повезло, потому что машина, где я это обнаружил, значилась в списке тех, которые нужно было полностью очистить от информации и передать в обсерваторию ССК. Там хотели выяснить, насколько хорошо технологии консу позволяют моделировать то, что происходит внутри звезды.

– По-моему, сейчас для нас важнее вот это, – заметил Роб-

бинс, указывая на голограмму.

Уилсон пожал плечами:

– На самом деле практический толк от нее небольшой.

– Вы шутите? – удивился Роббинс. – Мы ведь получили возможность сохранять сознание.

– Ну да, и, может быть, от этого и есть какой-то толк. Вот только мы пока что пользоваться этим не умеем. – Уилсон помолчал. – Что вам известно о процессе переноса сознания?

– Немногое, – признался Роббинс. – Я в этом не специалист. Своим адъютантом генерал меня сделал за мои организаторские способности, а не за научные познания.

– Ну хорошо, смотрите, – сказал Уилсон. – Вы сами обратили внимание – без мозга образ сознания, как правило, рушится. Это происходит потому, что разум полностью зависит от физического строения мозга. И не просто мозга – разум определяется тем мозгом, в котором родился. Образ сознания подобен отпечаткам пальцев. Он уникален для конкретного человека, причем это определяется вплоть до гено-типа.

Уилсон повернулся к Роббинсу:

– Господин полковник, взгляните на свое тело. Оно подверглось значительной модификации на генетическом уровне – у вас зеленая кожа, усовершенствованная мускулатура, искусственная кровь, которая в несколько раз богаче кислородом, чем естественная. Вы являетесь гибридом, создан-

ным на основе собственного генотипа и генов, выделенных искусственно, для того чтобы расширить ваши возможности. Так что на генетическом уровне вы уже перестали быть самим собой – за исключением головного мозга. Ваш мозг остается чисто человеческим, обусловленным исключительно вашими собственными генами. Потому что в противном случае ваше сознание нельзя было бы перенести.

– Почему? – спросил Роббинс.

Уилсон усмехнулся:

– Хотелось бы знать ответ на ваш вопрос. Я передаю то, во что меня посвятили Чарли Бутэн и сотрудники его лаборатории. В том, чем они занимались, я полный профан. И все же мне известно, что вот от этого, – он указал на голограмму, – вам не будет никакого толка, потому что это сознание поделится тем, что ему известно, только если оно будет помещено в мозг, причем только в мозг Чарли. А мозг Чарли исчез вместе с остальным телом.

– Раз эта хреновина для нас совершенно бесполезна, – недовольно произнес Роббинс, – мне бы хотелось узнать, зачем вы меня сюда пригласили?

– Я сказал, большого практического толка от копии сознания Бутэна не будет, – поправил Уилсон. – Но в одной мелочи она может оказаться весьма полезной.

– Лейтенант Уилсон, – строго промолвил Роббинс, – будьте добры, ближе к делу!

– Человеческое сознание – это не просто ощущение лич-

ности, – сказал Уилсон, снова предлагая полковнику взглянуть на голограмму. – Это также знания, чувства и духовное состояние. Вот эта штукавина обладает способностью знать и чувствовать все, что знал и чувствовал Чарли до того самого момента, как снял копию. Насколько я понимаю, вы хотите узнать, что замыслил Чарли и почему. Так вот, копия его сознания может стать в этом неплохой отправной точкой.

– Вы же только что говорили, что для того, чтобы получить доступ к сознанию, необходим мозг самого Бутэна, – возразил Роббинс. – А его у нас нет.

– Зато у нас есть гены Бутэна, – напомнил Уилсон. – Чарли создал собственный клон, для того чтобы тот послужил его целям. Полковник Роббинс, я предлагаю вам создать его клон, чтобы он послужил вашим целям.

– Клонировать Чарльза Бутэна, – презрительно фыркнул генерал Мэттсон. – Как будто одного мерзавца недостаточно!

Мэттсон, Роббинс и Сциллард сидели в генеральской столовой орбитальной станции «Феникс». Мэттсон и Сциллард ужинали; Роббинс – нет. Формально доступ в столовую был открыт для всех офицеров, однако на практике здесь питались только генералы. Остальные офицеры входили в столовую только по приглашению какого-либо генерала и редко позволяли себе что-нибудь помимо стакана воды. Роббинс гадал, с чего именно повелась эта нелепая практика. Он умирал от голода.

Генеральская столовая размещалась на самом конце оси вращения станции «Феникс» и была окружена одним специально выращенным прозрачным кристаллом, который образовывал ее стены и потолок. Из нее открывался захватывающий вид на планету Феникс, которая лениво вращалась над головой, закрывая почти весь небосвод, – совершенный бело-голубоватый драгоценный камень, настолько напоминающий Землю, что Роббинс при виде него неизменно ощущал болезненный укол в той области головного мозга, которая отвечает за тоску по дому. Покинуть Землю легко, когда тебе уже за семьдесят пять и единственная перспектива в будущем – смерть от старости через считаное число все более коротких лет. Но обратной дороги не бывает никогда; чем дольше Роббинс жил во враждебной вселенной, в окружении которой оказались колонизированные людьми миры, тем с большей теплотой вспоминал вялую, но относительно беззаботную жизнь в пятьдесят, шестьдесят и особенно семьдесят лет. Воистину блаженно неведение, или, по крайней мере, в нем больше спокойствия.

«Сейчас уже слишком поздно», – подумал Роббинс, отрываясь от размышлений и снова обращая внимание на Мэттсона и Сцилларда.

– Лейтенант Уилсон надеется при помощи клона проникнуть в то, что происходило в голове Бутэна. В любом случае попытка лучше, чем ничего.

– В первую очередь меня интересует, почему лейтенант

Уилсон уверен, что в этой машине хранится копия сознания Бутэна? – спросил Мэттсон. – Бутэн мог снять слепок с чьего угодно сознания. Да хоть со своего кота, черт побери!

– Такой рисунок свойственен человеческому сознанию, – невозмутимо возразил Роббинс. – Это можно утверждать со всей определенностью, потому что нам ежедневно приходится переносить сотни сознаний. Кот тут ни при чем.

– Это была шутка, Роббинс, – сказал Мэттсон. – И тем не менее это может быть не Бутэн.

– Не исключено, что это кто-то другой, однако такая вероятность крайне мала, – настаивал Роббинс. – В лаборатории Бутэна никто, кроме него, не знал, что он работает над этим. У него просто не было возможности скопировать чужое сознание. Знаете, невозможно осуществить это без ведома человека.

– Нам хотя бы известно, как именно копировать сознание? – подал голос генерал Сциллард. – Этот ваш лейтенант Уилсон говорит, что оно находится в машине, созданной на основе технологий консу. Даже если мы решим ею воспользоваться, кто-нибудь знает, как это делать?

– Нет, – ответил Роббинс. – Пока что не знает. Уилсон уверен, что сможет во всем разобраться, однако он не специалист по технике переноса сознания.

– Я в этом разбираюсь, – заявил Мэттсон. – Точнее, я достаточно долго командую теми, кто разбирается в технике переноса сознания, и сам тоже успел кое-чего нахвататься.

Для этого процесса необходимо не только само сознание, но и физический головной мозг, в который оно будет переноситься. И вот этого-то мозга нам сейчас как раз и недостает. Я уж не говорю о проблемах этики.

– Проблемы этики? – не смог сдержать удивления Роббинс.

– Да, полковник, проблемы этики, – раздраженно подтвердил Мэттсон. – Нравится вам это или нет.

– Господин генерал, я вовсе не хотел ставить под сомнение ваши моральные принципы, – виновато произнес Роббинс.

Мэттсон нетерпеливо махнул рукой:

– Забудьте. Но вопрос остается. Союз колоний давным-давно принял закон, запрещающий клонировать людей, которые не состоят на службе в ССК, – ни живых, ни мертвых, но в первую очередь живых. К клонированию людей мы прибегаем лишь в том случае, когда возвращаем в немодифицированные тела тех, чей срок службы истек. Бутэн – человек гражданский, он колонист. Даже если бы нам очень захотелось, мы не можем на законных основаниях создать его клон.

– Но сам он вырастил же свой клон, – напомнил Роббинс.

– Полковник, неужели мы опустимся до моральных принципов предателя! – снова раздражаясь, воскликнул Мэттсон.

– Можно будет получить от Колониального совета разрешение отступить от закона, – предложил Роббинс. – Такое уже случалось. Вы сами к этому прибегали.

– Но только не в подобных вопросах, – возразил Мэттсон. – Разрешение отойти от закона мы испрашиваем только для того, чтобы испытать новые системы вооружения на планетах, лишенных жизни. А если затеять возню с клонами, у закоренелых консерваторов из Совета начнется зуд в заднице. Подобное предложение не выйдет из стен комиссии.

– Бутэн является ключом к тому, что задумали праей и их союзники, – сказал Роббинс. – Быть может, настало время вспомнить завет морской пехоты США: «Легче получить прощение, чем разрешение».

– Я восхищаюсь вашей готовностью выбросить черный пиратский флаг, полковник, – заметил Мэттсон. – Но расстреляют в случае чего не вас. Точнее, не только вас одного.

Генерал Сциллард, все это время задумчиво жевавший бифштекс, проглотил его и отложил приборы.

– Этим займемся мы, – решительно произнес он.

– То есть? – повернулся к нему Мэттсон.

– Генерал, передайте образец сознания Специальным силам, – сказал Сциллард, – и дайте нам гены Бутэна. На их основе мы создадим солдата Специальных сил. Создавая каждого солдата, мы используем несколько генотипов; формально это не будет клон. А если сознание не приживется, хуже от этого никому не станет: просто на одного солдата Специальных сил станет больше. Мы ничего не потеряем.

– Вот только если сознание приживется, мы получим солдата Специальных сил, который замыслил предательство, –

возразил Мэттсон. – А в этом уже нет ничего привлекательного.

– К этому можно подготовиться, – заверил его Сциллард, снова беря в руки приборы.

– Вы будете использовать гены живого человека, к тому же колониста, – заговорил Роббинс. – Насколько я понимаю, Специальные силы берут лишь гены тех, кто изъявил желание служить в ССК, но умер до того, как был принят на службу. Вот почему эти части называются Бригадами призраков.

Сциллард смерил его пристальным взглядом.

– Мне это название совсем не нравится, – строго заметил он. – Да, гены умерших добровольцев ССК являются одним из компонентов. И, как правило, мы используем их в качестве шаблона. Но для того чтобы строить своих солдат, Специальные силы используют более широкий генетический материал. Учитывая то, какая роль отводится нам в ССК, это является практически обязательным требованием. В любом случае Бутэн официально мертв – у нас есть труп с его гено-типом. И нам неизвестно, жив ли он. У него остались родственники?

– Нет, – сказал Мэттсон. – У Бутэна были жена и маленький ребенок, но они давно умерли. Других родственников у него нет.

– В таком случае никаких проблем быть не должно, – решительно произнес Сциллард. – После смерти человека его гены ему уже больше не принадлежат. Нам уже приходилось

не раз пользоваться генами скончавшихся колонистов. Не вижу причин, почему бы снова не прибегнуть к этому.

– Сциллард, вот только я что-то не припомню, чтобы вы сами выращивали своих людей, – сказал Мэттсон.

– Мы предпочитаем особо не распространяться о своей работе, генерал, – ответил Сциллард. – И вам это хорошо известно.

Отрезав кусок бифштекса, он отправил его в рот. Пустой желудок Роббинса недовольно заурчал. Мэттсон, крикнув, откинулся на спинку стула, уставившись на Феникс. Проследив за его взглядом, Роббинс опять ощутил приступ тоски по дому.

Наконец Мэттсон снова повернулся к Сцилларду:

– Бутэн был одним из моих людей – хорошо это или плохо. Сциллард, я не могу перевесить ответственность за него на вас.

– Замечательно. – Сциллард кивнул на Роббинса: – В таком случае одолжите мне Роббинса. Вы будете держать через него связь, так что отдел военных исследований останется в деле. Мы будем делиться с вами всей информацией. Я с радостью возьму и вашего техника, лейтенанта Уилсона. Пусть работает вместе с моими специалистами, постигает технологии консу. Если все пойдет хорошо, мы получим память Чарльза Бутэна, выясним мотивы, толкнувшие его на предательство, и найдем способ подготовиться к предстоящей войне. В противном случае я лишь получу еще одного сол-

дата Специальных сил. Разбрасываться таким ценным материалом нельзя.

Мэттсон задумчиво посмотрел на него:

– Сциллард, похоже, вам не терпится этим заняться.

– Человечество идет к войне с тремя видами, которые объединились, – сказал Сциллард. – Ничего подобного раньше не случалось. Поодиночке мы можем разобраться с любым врагом, но только не со всеми тремя сразу. Специальным силам приказано предотвратить эту войну до того, как она начнется. Если что-то может помочь нам выполнить эту задачу, мы обязаны этим воспользоваться. По крайней мере попытаться.

– Роббинс, – обратился к адъютанту Мэттсон, – ваши соображения?

– Если верить генералу Сцилларду, его предложение позволит обойти юридические и этические проблемы, – сказал Роббинс. – То есть попробовать стоит. К тому же мы будем в деле.

У Роббинса были свои опасения по поводу совместной работы со специалистами и солдатами Специальных сил, но он посчитал, что сейчас не время их озвучивать.

Генералу Мэттсону, однако, можно было не стесняться в выражениях:

– Генерал, ваши девочки и мальчики плохо уживаются с нормальными людьми. Это одна из причин, по которой отдел военных исследований и Специальные силы предпочитают

не вести общих дел.

– Специальные силы – это солдаты, во-первых и в-последних, – отчеканил Сциллард. – Они выполняют приказы. Мы сделаем так, чтобы у нас все получилось. Такое уже бывало в прошлом. Во время сражения за Коралл один боец регулярных ССК принимал участие в операциях Специальных сил. Уж если у нас получилось тогда, сейчас тем более необходимо заставить наших технических специалистов работать вместе без лишнего кровопролития.

Мэттсон задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– И сколько времени на это потребуется?

– Мы не сможем просто приспособить уже имеющиеся генотипы; для этого тела потребуется изготовить новое лекало. Надо будет уточнить у моих специалистов, но обычно на то, чтобы изготовить лекало с чистого листа, у них уходит месяц. Затем еще минимум шестнадцать недель потребуется на выращивание тела. Ну и не нужно забывать о времени, которое уйдет на разработку процесса переноса сознания. Правда, этим можно будет заниматься параллельно с выращиванием тела.

– А ускорить никак нельзя? – спросил Мэттсон.

– Можно, но только в этом случае мы получим труп. Или еще хуже. Вам же известно, что торопить изготовление тела нельзя. Тела ваших солдат выращиваются по тому же графику, и, не сомневаюсь, вы хорошо помните, что происходило, когда пытались ускорить этот процесс.

Мэттсон недовольно поморщился; Роббинс, служивший адъютантом генерала всего полтора года, услышал очередное напоминание о том, что его шеф занимает свою должность уже очень долго. Какими бы ни являлись их деловые отношения, в том, что было известно Роббинсу о его начальнике, еще оставалось множество пробелов.

– Замечательно, – наконец сказал Мэттсон. – Забирайте все. Посмотрите, что вам удастся из этого вытянуть. Но следите за новым Бутэном. У меня со своим было не все гладко, однако я даже представить себе не мог, что он окажется предателем. Он обманул меня. Обманул всех. Вы поместите сознание Чарльза Бутэна в тело солдата Специальных сил. Одному богу известно, как сможет распорядиться им предатель.

– Согласен, – сказал Сциллард. – Если перенос сознания пройдет успешно, мы рано или поздно об этом узнаем. В противном случае я знаю, куда направить этого типа. На всякий случай, чтобы быть уверенным.

– Хорошо.

Мэттсон снова устремил взор на огромную голубую планету.

– Феникс, – задумчиво произнес он. – Существо, способное возрождаться. Что ж, это как раз то, что нам нужно. Знаете, фениксом называли мифическую птицу, которая могла возрождаться из пепла. Будем надеяться, что наше возрожденное создание не обратит в пепел все, что его окружает.

Все трое уставились на огромный диск планеты, заполнивший весь небосвод.

– Вот оно, – сказал полковник Роббинс, обращаясь к лейтенанту Уилсону.

Клонированное тело, заключенное в ясли, ввезли на каталке в лабораторию, где должна была состояться выгрузка.

– Да, – согласился Уилсон, подходя к монитору, на который выводились данные о жизненных процессах, происходящих в теле. – Господин полковник, вам когда-нибудь доводилось быть отцом?

– Нет. Подобного желания у меня никогда не возникало.

– Что ж, в таком случае сейчас вам предстоит испытать нечто похожее на отцовство.

Как правило, в лабораторию выгрузки помещают одновременно шестнадцать солдат Специальных сил, которым в дальнейшем предстоит обучаться вместе, закрепляя чувство боевого товарищества. Кроме того, это помогает частично преодолеть ощущение полной растерянности, которое испытывает человек, пробуждаясь в полном сознании, но лишенный каких-либо воспоминаний.

Однако на этот раз ясли привезли только одни: в них лежало тело, которому предстояло вместить рассудок Чарльза Бутэна.

Прошло уже больше двухсот лет с тех пор, как зарождающийся Союз колоний, стремясь защитить первые космиче-

ские колонии (планета Феникс недаром получила свое название), потерпел впечатляющее поражение, после которого пришлось скрепя сердце признать, что немодифицированные люди-солдаты не способны выполнять свою задачу. Боевого духа у них было в избытке. История человечества хранит память о беззаветной храбрости, проявленной в сражениях той эпохи. Ярким примером является битва за Армстронг, когда, казалось бы, неминуемое поражение от вторгшихся неприятельских сил было ценой огромных жертв обращено в пиррову победу над врагом. И все же плоть оставалась слишком слабой. Враг, точнее, все враги были слишком быстрые, слишком жестокие, слишком безжалостные и слишком многочисленные. Человечество располагало достаточно совершенными технологиями, и оружие, которым приходилось воевать людям, ничем не уступало оружию подавляющего большинства их противников. Однако в любом оружии в конечном счете главное – кто смотрит в прицел и нажимает на спусковой крючок.

Первые модификации, которым подвергались солдаты, были относительно простые: увеличивались скорость, мышечная масса и сила, а также выносливость. Но уже на начальной стадии генной инженерии пришлось столкнуться с многочисленными проблемами практического и этического характеров. Будущих солдат выращивали в пробирке, после чего нужно было ждать, когда они повзрослеют и станут достаточно умными и сильными для того, чтобы идти в бой, –

на это уходило около восемнадцати лет. Вскоре Силы самообороны колоний, к своему великому огорчению, обнаружили, что многие из этих генетически видоизмененных (в незначительной степени) людей без особой радости открывали для себя, что их вырастили в качестве пушечного мяса, и отказывались идти в бой, несмотря на все усилия лучших пропагандистов и воспитателей. Немодифицированные люди также были крайне недовольны происходящим, поскольку работы эти имели привкус очередных евгенических начинаний правительства, а в истории человечества популярность правительств, имеющих страсть к евгенике, крайне редко взлетала до небес.

Союзу колоний удалось пережить лавину политических кризисов, обрушившихся на него после первых попыток генетического изменения будущих солдат, — но с огромным трудом. Если бы битва за Армстронг не продемонстрировала колониям наглядно, какая именно вселенная им противостоит, скорее всего, Союз колоний распался бы. А колониям, созданным человечеством, пришлось бы не только иметь дело со всеми видами разумных существ, с какими они только успели познакомиться, но и соперничать друг с другом.

В дополнение ко всему Союз колоний спасло практически одновременное появление двух технологий, ставших настоящим прорывом. Во-первых, был найден способ принудительно ускорять рост человеческого тела, что позволило за считанные месяцы выращивать из зародыша взрослого че-

ловека. И во-вторых, был разработан протокол переноса сознания, позволивший разум и память одного индивидуума пересаживать в другой головной мозг, при условии, что этот мозг обладал такой же генной структурой и предварительно подвергался серии подготовительных процедур, создающих необходимые биоэлектрические каналы. Эти новые технологии позволили Союзу колоний открыть для себя новый, практически неиссякаемый запас потенциальных рекрутов: пожилых людей, многие из которых с готовностью выбирали для себя службу в армии вместо смерти от старости. Больше того, их гибель в любом случае не могла создать демографическую катастрофу, последствия которой ощущались бы на протяжении многих поколений.

Получив в свое распоряжение этот новый неиссякаемый источник потенциальных новобранцев, Силы самообороны колоний обнаружили, что теперь у них есть роскошь выбирать, кого приглашать в свои ряды. ССК перестали уговаривать колонистов служить в армии; это обстоятельство возымело благотворное воздействие, позволив колонистам сосредоточить все силы на развитии новых миров. Теперь молодежь колоний больше не отрывалась от дома и от семьи, чтобы отправляться на поля сражений, расположенные за триллионы миль от родных краев. Поэтому колонистов перестали беспокоить этические проблемы, связанные с генетически видоизмененными солдатами, по собственной воле идущими в бой.

Оставив в покое колонии, ССК предпочли набирать рекрутов из обитателей Земли, древней родины человечества. На Земле проживали многие миллиарды людей: на самом деле на одном шарике их было больше, чем во всех человеческих колониях, вместе взятых. Источник потенциальных новобранцев был просто огромный – настолько большой, что ССК урезали его, ограничившись рекрутами из богатых, промышленно развитых стран, экономическое положение которых позволяло гражданам доживать до преклонного возраста. Важную роль сыграло и то, что в общественном сознании таких стран закрепился привлекательный образ молодости и здоровья, а старение и смерть вызывали у человека глубокий психологический дискомфорт. Социум формировал из своих престарелых граждан оптимальных новобранцев, горящих желанием поступить в ряды Сил самообороны колоний. ССК быстро обнаружили, что эти самые престарелые граждане согласны отправиться в военный поход, даже не имея подробной информации о том, чем он может завершиться. Больше того, чем меньше знали рекруты, тем успешнее проходил набор на службу. Будущие солдаты предполагали, что военная служба в Силах самообороны колоний похожа на военную службу на Земле. И ССК не спешили рассеивать это заблуждение.

Набор рекрутов из числа пожилых жителей промышленно развитых стран показал себя с хорошей стороны, и Союз колоний, стремясь сохранить источник поступления ново-

бранцев, запретил набирать из этих стран будущих колонистов. Таким образом, население колоний стало пополняться за счет граждан тех стран, экономические и социальные проблемы в которых подталкивали наиболее амбициозную часть молодежи как можно скорее убираться из дома ко всем чертям. Такое разделение набора колонистов и рекрутов принесло Союзу колоний щедрые плоды как в одной, так и в другой области.

Однако набор солдат из числа престарелых жителей Земли поставил перед ССК одну неожиданную проблему: значительное количество новобранцев умирало, так и не успев поступить на военную службу, став жертвами сердечных приступов, апоплексических ударов и чрезмерного обилия чизбургеров, сладких ватрушек и шоколадных пирожных. ССК, бравшие образцы генов у всех новобранцев, вскоре оказались обладателями обширного собрания человеческих генотипов, совершенно бесполезного. Кроме того, у ССК крепли желание и настоятельная потребность продолжать эксперименты по дальнейшему совершенствованию конструкции тел солдат без ущерба для боевых качеств.

И тут последовал новый прорыв: появление необычайно мощного, компактного полуорганического компьютера, полностью интегрированного с человеческим мозгом, который был кем-то совершенно неоправданно и легкомысленно окрещен МозгоДругом. Для головного мозга, уже заполненного знаниями и опытом, следствиями прожитой жизни,

МозгоДруг предлагал неоценимую помощь в части умственных способностей, объемов памяти и средств общения.

Но для мозга, который в буквальном смысле представлял собой чистый лист бумаги, МозгоДруг был чем-то большим.

Полковник Роббинс заглянул в ясли, где, удерживаемое силовым полем, покоилось тело.

– Этот тип не очень-то похож на Чарльза Бутэна, – заметил он, обращаясь к Уилсону.

Лейтенант, занимавшийся последней подгонкой аппаратных средств, в которых хранилась копия сознания Бутэна, даже не оторвался от приборов.

– Бутэн был немодифицированным человеком, – сказал он. – Когда мы с ним познакомились, он уже переходил грань, отделяющую средний возраст от старости. Вероятно, когда Чарли было лет двадцать, у него с этим телом было много общего. Разумеется, если отбросить зеленую кожу, кошачьи глаза и все остальные модификации. К тому же, наверное, старина Чарли был не в такой отличной форме. Могу сказать точно: сам я в двадцать лет не мог похвастаться такой мускулатурой, какая у меня сейчас.

– Твое тело специально модифицировано так, чтобы оно само о себе заботилось, – напомнил Роббинс.

– И слава богу, что это так. От пончиков с вареньем меня за уши не оттащишь.

– И для того чтобы получить все это, достаточно лишь

подставлять себя под пули всех разумных существ, обитающих в нашей части вселенной, – грустно усмехнулся Роббинс.

– В том-то все дело, – согласился Уилсон.

Полковник снова повернулся к телу, застывшему в яслях.

– Все эти усовершенствования никак не повлияют на перенос сознания?

– Не должны, – сказал Уилсон. – Все гены, связанные с развитием головного мозга, взяты из генотипа Бутэна неизмененными. У этого типа мозг Бутэна. По крайней мере, с точки зрения генетики.

– И как этот мозг выглядит?

– Выглядит он замечательно, – постучал по монитору контроллера яслей Уилсон. – Здоровым. Подготовленным.

– Полагаешь, у нас получится?

– Понятия не имею.

– Отрадно сознавать, что уверенность в своих силах у нас с тобой льется через край, – усмехнулся Роббинс.

Лейтенант не успел ответить. Дверь отворилась, и в лабораторию вошли генералы Мэттсон и Сциллард в сопровождении трех технических сотрудников Специальных сил, которым предстояло заниматься выгрузкой. Техники направились прямо к яслям; Мэттсон подошел к Роббинсу. Полковник и лейтенант, вытянувшись по стойке смирно, козырнули.

– Успокойте меня, скажите, что у нас все получится, – сказал Мэттсон, отвечая на приветствие.

– Мы с лейтенантом Уилсоном как раз обсуждали то же самое, – на мгновение смутившись, ответил Роббинс.

Мэттсон повернулся к Уилсону:

– И что скажешь, лейтенант?

Уилсон указал на тело в яслях, вокруг которых суетились техники:

– Тело совершенно здорово, как и мозг. Мозг Друг функционирует прекрасно, в чем нет ничего странного. Нам на удивление легко удалось ввести образ сознания Бутэна в машину переноса, и проведенные тесты позволяют надеяться на то, что никаких проблем с переносом сознания не возникнет. Теоретически то, что нам сейчас предстоит, ничем не отличается от обычного переноса.

– Звучит хорошо, – сказал Мэттсон, – но что-то в твоём тоне я не слышу уверенности.

– Господин генерал, неопределённостей ещё очень много, – напомнил Уилсон. – Обыкновенно индивидуум во время переноса находится в сознании. Это в значительной степени способствует успеху. Сейчас мы этого лишены. Узнать, успешно ли завершился процесс, мы сможем только тогда, когда разбудим тело. Нам впервые приходится осуществлять перенос сознания, имея только один головной мозг. Если это не снимок сознания Бутэна – ничего не получится. Если же это все-таки его сознание, нет никакой гарантии, что оно запечатлится на больших полушариях. Мы сделали все возможное, чтобы обеспечить гладкий перенос. Вы ознакоми-

лись с отчетами. Однако остается еще много тонкостей, о которых мы можем даже не догадываться. Мы знаем, что необходимо сделать для получения результата, но не знаем, что может этому помешать.

– Ты-то сам как считаешь: получится или нет? – строго спросил Мэттсон.

– Я думаю, должно получиться, – подумав, сказал Уилсон. – Но нам необходимо испытывать чувство здорового уважения ко всему тому, что мы не знаем. Простор для ошибок огромный, сэр.

– Роббинс? – спросил Мэттсон.

– Я присоединяюсь к мнению лейтенанта Уилсона, господин генерал.

Техники, закончив работу, доложили генералу Сцилларду. Тот, кивнув, подошел к Мэттсону:

– Мои техники говорят, все готово.

Мэттсон бросил взгляд сначала на Роббинса, затем на Уилсона.

– Замечательно, – наконец произнес он. – В таком случае давайте побыстрее покончим со всем этим.

Специальные силы ССК создают своих солдат, используя простой рецепт: первым делом берется генотип человека, после чего надо только вычитать.

Генотип человека насчитывает приблизительно двадцать тысяч генов, состоящих из трех миллиардов базовых пар,

которые распределены по двадцати трем хромосомам. Большая часть генотипа представляет собой «мусор» – обрывки последовательностей ДНК, которым ничто не соответствует в конечном продукте – человеческой особи. Похоже, природа, однажды поместив последовательность в генотип, крайне неохотно расстаётся с ней, даже если та ровным счетом ничего не делает.

Ученые Специальных сил подобной жадностью старьевщика не страдают. Первым шагом в создании каждой новой модели является удаление лишнего, отключенного генетического материала. В конечном счете остается стройная последовательность ДНК, совершенно бесполезная: редактирование человеческого генотипа уничтожает структуру хромосом, делая его неспособным к воспроизводству. Но это лишь первый шаг. До сборки и размножения нового генотипа еще далеко.

Новая, небольшая последовательность ДНК содержит все до одного гены, которые делают человека человеком, однако одного этого недостаточно. Человеческий генотип не дает человеческому фенотипу пластичность, необходимую Специальным силам. Говоря грубым языком, наши гены неспособны создавать сверхлюдей, какими должны быть солдаты Специальных сил. То, что остается в конце концов от человеческого генотипа, теперь разделяется на отдельные составляющие, которые модифицируются, после чего собираются вместе в гены, несущие в себе значительно возрос-

шие способности. Этот процесс может потребовать введения дополнительного генетического материала. Гены, полученные от других людей, как правило, не представляют никаких проблем, поскольку человеческий генотип в принципе предназначен перенимать информацию, взятую от других людей. (Естественный процесс, доставляющий неописуемое наслаждение участвующим сторонам, в котором реализуется смешивание генетической информации, называется «секс».) Впитывать генетическую информацию других видов живых организмов земного происхождения также относительно просто, поскольку вся жизнь на Земле построена из одних и тех же генетических «кирпичиков» и на этом уровне взаимосвязана между собой.

Использование материала живых организмов неземного происхождения значительно сложнее. На некоторых планетах в процессе эволюции выработались генетические структуры, имеющие общие черты с земными; в них задействованы многие, а то и все нуклеотиды, которые участвуют в земной генетике (возможно, не случайно, поскольку достоверно известно, что разумные обитатели этих планет время от времени употребляют людей в пищу; так, например, у рраей человеческое мясо считается изысканным деликатесом). Однако у большинства внеземных видов генетическая структура и ее отдельные составляющие разительно отличаются от того, что есть у земных существ. Использование их генов не сводится к простому разрезанию и склеиванию.

Специальные силы решили эту проблему, считывая эквивалент ДНК внеземных созданий в компилятор, который затем выплевывал генетический «перевод» в формате земных ДНК – при создании необходимых условий результирующие ДНК создавали особь, настолько похожую на внеземное существо по внешнему виду и способностям, насколько это только было возможно. После чего транслитерированные гены этих созданий вплавлялись в ДНК солдат Специальных сил.

Конечным результатом генной инженерии явился набор ДНК, который описывал существо, созданное на основе человека, но настолько далекое от человеческого образа, что, если бы ему дали возможность развиваться, оно превратилось бы в отвратительное собрание отдельных частей, в чудовище, от которого у Мэри Шелли, его духовной крестной матери, волосы встали бы дыбом. Затем, лишив ДНК всего человеческого, ученые Специальных сил подправили сформированное генное послание так, чтобы его можно было впихнуть во что-нибудь, обладающее хотя бы приблизительно человеческой внешностью. Между собой разработчики бурчали по поводу того, что этот шаг оказался самым сложным; кое-кто высказывал (вполголоса) сомнения в его целесообразности. Следует отметить, что сами эти ученые все до одного внешне сохранили сходство с человеком.

И вот наконец цепочка ДНК, модифицированная так, чтобы придать их обладателю, заключенному в человеческую

оболочку, сверхчеловеческие возможности, собрана. Даже с добавлением чужеродных генов она существенно стройнее, чем исходная человеческая; дополнительные коды заставляют ее распределиться по пяти хромосомным парам, что значительно меньше двадцати трех пар неизменной человеческой цепочки и всего на одну пару больше того, чем располагает мушка дрозофила. Хотя солдаты Специальных сил получают половые признаки своего донора и окончательный набор содержит гены, которые отвечают за половое развитие, Y-хромосома отсутствует – от этого обстоятельства первым ученым, приданным в помощь Специальным силам (по крайней мере, мужчинам), становилось как-то не по себе.

Теперь цепочка ДНК, уже собранная, помещается в пустую оболочку зиготы, которая укладывается в инкубатор-ясли, где зиготу осторожно подталкивают начать митотическое деление. Превращение зиготы в полностью сформировавшийся эмбрион происходит со значительно увеличенной скоростью; при этом при обмене веществ выделяется такое количество тепловой энергии, что ДНК опасно приближаются к разрушению. Инкубатор-ясли заполняются теплопоглощающей жидкостью, изобилующей наночастицами, которые насыщают растущие клетки и играют роль теплообменника для быстро развивающегося зародыша.

И тем не менее ученые Специальных сил еще не исчерпали все средства повышения уровня человечности в своих солдатах. После биологического натиска приходит черед

технологических усовершенствований. Специально разработанные наночастицы, введенные в быстро развивающийся эмбрион, способствуют достижению двух целей. Во-первых, подавляющее большинство наночастиц устремляется в сердцевину костей, где поглощает костный мозг, механически размножаясь вместо него, заменяя его «умной кровью», которая имеет лучшую по сравнению с обычной кровью способность переносить кислород, быстрее свертывается и обладает иммунитетом к абсолютному большинству болезней. Во-вторых, оставшиеся наночастицы направляются в быстро развивающийся головной мозг, закладывая основание компьютера МозгоДруг. Полностью сформировавшись, он будет иметь размер зрелого абрикоса. Этот «абрикос», угнездившийся глубоко в мозгу, окружит густая сеть микроскопических антенн, регистрирующих электрическое поле мозга, интерпретируя его пожелания и откликаясь через датчики, вживленные в глаза и уши солдата.

Бывают и другие модификации, в основном экспериментальные, которые отрабатываются на небольших группах с целью определить, принесет ли это какие-нибудь дополнительные преимущества. Если да, эти модификации получают более широкое распространение в Специальных силах и становятся кандидатами на потенциальные усовершенствования следующего поколения пехоты Сил самообороны колоний. В противном случае они умирают вместе с подопытными.

Солдат Специальных сил созревает до размера новорожденного человеческого младенца всего за двадцать девять суток; за шестнадцать недель при условии правильной организации процесса обмена веществ в яслях он вырастает до размеров взрослого человека. Попытки ССК ускорить это развитие заканчивались тем, что большая часть тел просто зажаривались за счет тепла, которое выделяется при метаболических процессах. Те же зародыши, которым удалось выжить, страдали от ошибок переноса ДНК, что приводило к развитию раковых опухолей и смертельным мутациям.

По прошествии шестнадцати недель в зародыш посылают синтетический гормон, который, распространившись по всему телу, снижает скорость метаболических процессов до нормальных значений.

На протяжении всего роста ясли работают над телом, укрепляя мускулатуру и обеспечивая то, чем их обладатель сможет пользоваться с момента обретения сознания. В головном мозге МозгоДруг помогает развивать общие нейронные пути, стимулирует развитие нервных центров и готовится к тому моменту, когда обладатель тела очнется, – чтобы облегчить переход из ничего во что-то.

Для большинства солдат Специальных сил после этого остается только «рождение» – процесс выгрузки, за которым следует быстрый и (как правило) безболезненный переход к армейской жизни. Однако этому солдату Специальных сил предстояло совершить еще один шаг.

Генерал Сциллард подал знак своим техникам, и те приступили к работе. Уилсон снова сосредоточился на аппаратных средствах, ожидая команды начать процесс переноса. Наконец техники доложили, что все готово; Уилсон отправил сознание в путь. Негромко гудело оборудование. Тело в яслях оставалось неподвижным. Через несколько минут Уилсон, посоветовавшись с техниками, обратился к Роббинсу, после чего наконец подошел к генералу Мэттсону:

– Все готово.

– Вот как? – удивился тот, глядя на тело в яслях. – Внешне он нисколько не изменился. У него по-прежнему такой вид, будто он находится в коме.

– Его еще не пробудили, – объяснил полковник Роббинс. – Хотелось сначала выяснить, как именно это делать. Обычно, когда солдат Специальных сил пробуждается, его МозгоДруг переключается в режим интеграции сознания. Это обеспечивает солдата временным чувством собственного «я» до тех пор, пока он не разовьет свое собственное. Однако, поскольку данное тело уже может обладать сознанием, техники полагают, что МозгоДруг включать не надо. Компьютер может только сбить с толку этого человека.

Мэттсон презрительно фыркнул; эта мысль его развеселила.

– Будите его, не включая МозгоДруг. Если перед нами действительно Бутэн, я не хочу сбивать его с толку. Мне нуж-

но, чтобы он заговорил.

– Слушаюсь, сэр! – ответил Роббинс.

– Если наша задумка увенчалась успехом, этот тип ведь сразу же поймет, кто он такой, как только придет в сознание, так? – спросил Мэттсон.

Роббинс бросил взгляд на Уилсона, который слышал весь разговор. Лейтенант изобразил нечто среднее между пожатием плечами и кивком.

– Мы так считаем, – ответил Роббинс.

– Хорошо, – сказал Мэттсон. – В таком случае я хочу стать первым, кого увидит этот ублюдок.

Подойдя к яслям, он встал перед спящим телом:

– Пусть будят сукиного сына!

Роббинс кивнул женщине-технику, и та нажала пальцем на панель управления.

Тело дернулось, в точности так же, как ведут себя люди, оказавшись в тех сумерках, которые отделяют сон от бодрствования, когда им внезапно начинает казаться, что они падают в пустоту. Веки, задрожав, открылись. Глаза заматались в разные стороны, сбитые с толку, после чего уставились на Мэттсона. Тот, нагнувшись, ухмыльнулся:

– Привет, Бутэн! Готов поспорить, ты удивлен видеть меня.

Тело напряглось, стараясь приподнять голову, словно собираясь что-то сказать. Мэттсон послушно склонился ниже. Тело закричало.

Генерал Сциллард нашел Мэттсона в туалете в противоположном от лаборатории выгрузки тел конце коридора, где тот справлял малую нужду.

– Как ваше ухо? – участливо поинтересовался Сциллард.

– Вы что, Сциллард, издеваетесь? – взорвался Мэттсон, не отворачиваясь от писсуара. – Если бы это вам на ухо заорал бестолковый идиот, а я бы потом спросил, как вы себя чувствуете?

– Он не бестолковый идиот, – поправил его Сциллард. – Вы пробудили новорожденного солдата Специальных сил, отключив его МозгоДруг. У него нет никаких представлений по поводу того, кто он такой и где находится. И он сделал то, что делают все новорожденные. А вы чего ожидали?

– Я ожидал увидеть Чарльза, мать его, Бутэна, – проворчал Мэттсон, стряхивая последнюю капельку. – Если не забыли, именно ради этого мы выращивали в яслях долбаного ублюдка.

– Вы же знали, что наша затея могла кончиться ничем, – сказал Сциллард. – Я вас предупреждал. И ваши люди тоже вас предупреждали.

– Спасибо за напоминание, – буркнул Мэттсон. Застегнув ширинку, он перешел к раковине. – Вся эта дребедень обернулась лишь пустой тратой времени.

– Быть может, от клона Бутэна еще будет толк, – предположил Сциллард. – Быть может, сознанию требуется ка-

кое-то время на то, чтобы обосноваться в мозгу.

— Роббинс и Уилсон утверждали, что этот тип очнется уже с сознанием Бутэна. — Мэттсон помахал руками перед краном. — Черт бы побрал эту автоматику!

Отчаявшись, он в конце концов полностью закрыл датчик ладонью. Из крана ударила мощная струя.

— До нас такого еще никто не проделывал, — напомнил Сциллард. — Возможно, Роббинс и Уилсон ошиблись.

Мэттсон издал отрывистый смешок.

— Эти двое ошиблись. И тут нет никаких «возможно». Так что нечего их выгораживать. Но я не к этому. Ваши люди будут нянчиться со взрослым младенцем, дожидаясь, пока «его сознание обоснуется в мозгу»? Не сомневаюсь, ответ отрицательный, и у меня, разумеется, тоже нет ни хрена желания этим заниматься. Мы и так уже потеряли слишком много времени.

Вымыв руки, Мэттсон оглянулся, ища автомат с полотенцами.

Сциллард указал на противоположную стену:

— Полотенца закончились.

— Ну конечно же! — печально усмехнулся Мэттсон. — Человечество создает солдат из ДНК, но не может снабдить сортир одноразовыми бумажными полотенцами.

С силой встряхнув руками, он вытер их о брюки.

— Оставим бумажные полотенца в покое, — остановил его Сциллард. — Означают ли ваши слова, что вы отказываетесь

от этого солдата и отдаете его мне? Если так, я включу его МозгоДруг и как можно скорее направлю в учебное отделение.

– К чему такая спешка?

– Перед нами полностью развитый солдат Специальных сил, – объяснил Сциллард. – Не стану отрицать: я действительно тороплюсь. Вам не хуже меня известно, какая у нас в Специальных силах текучка. Нам всегда нужно больше. И еще, скажем так, я не потерял до конца надежду, что именно этот солдат окажется очень полезным.

– Мне бы ваш оптимизм, – заметил Мэттсон.

Сциллард усмехнулся:

– Генерал, вам известно, как получают свои имена солдаты Специальных сил?

– Вас называют в честь великих ученых и художников.

– В честь ученых и мыслителей, – поправил Сциллард. – По крайней мере, нам дают их фамилии. А имена случайным образом выбираются из числа наиболее распространенных. Лично меня назвали в честь Лео Сцилларда. Он был одним из ученых, которые участвовали в создании первой атомной бомбы, о чем впоследствии Сциллард очень сожалел.

– Генерал, я знаю, кто такой Лео Сциллард.

– У меня и в мыслях не было представить все так, будто вы этого не знаете. Хотя, имея дело с «настоящими рожденными», никогда нельзя быть ни в чем уверенным. У вас в познаниях, генерал, существуют совершенно необъяснимые

пробелы.

– Последние годы, отведенные образовательному процессу, мы проводим, думая в основном только о том, как бы с кем-нибудь переспать, – сказал Мэттсон. – Что отвлекает нас от накапливания информации об ученых двадцатого столетия.

– Подумать только, – мягко произнес Сциллард и тотчас же вернулся к прерванной мысли: – Помимо своих талантов в науке Лео Сциллард славился тем, что предугадывал будущее. Так, он предсказал обе мировые войны двадцатого века, а также много других значительных событий. Это сделало его нервным. Он взял себе за правило жить в гостиницах и всегда иметь под рукой «тревожный чемоданчик» – сумку с предметами первой необходимости. На всякий случай.

– Очаровательно, – сказал Мэттсон. – И что вы хотели этим сказать?

– Я не претендую на какое бы то ни было родство с Лео Сциллардом. Мне просто присвоили его фамилию. Но, по моему, я обладаю его талантом пророчества, особенно в части войн. И я считаю, что грядущая война будет очень тяжелой. Это не досужие размышления: теперь, когда нам известно, что искать, мои люди получают большой объем разведывательной информации. Впрочем, и без всякой развединформации очевидно, что в столкновении с тремя объединившимися разумными расами шансы человечества очень невысоки.

Сциллард кивнул в сторону лаборатории:

– Возможно, у этого солдата нет рассудка Бутэна, и все же Бутэн в нем есть – в его генах. Я уверен, что это должно как-то сказаться; а нам вскоре понадобится все, что только сможет нам помочь. Если хотите, считайте этого солдата моим «тревожным чемоданчиком».

– Вы хотите его оставить лишь потому, что верите шестому чувству? – Мэттсон был поражен.

– Помимо всего прочего, – подтвердил Сциллард.

– Знаете, Сциллард, то, что вы по годам еще подросток, иногда бросается в глаза.

– Итак, генерал, вы отдаете мне этого солдата?

Мэттсон пренебрежительно махнул рукой:

– Он ваш, генерал. Наслаждайтесь. По крайней мере, не мне придется переживать, как бы он не стал предателем.

– Спасибо.

– И что вы намереваетесь делать с вашей новой игрушкой?

– Для начала, полагаю, мы дадим ей имя, – сказал Сциллард.

Он вошел в мир так же, как большинство новорожденных: с криком.

Окружающий мир представлял собой бесформенный хаос. Как только мир появился, что-то склонилось к нему, издавая звуки. Он испугался. Внезапно это что-то отпрянуло назад, продолжая издавать громкие звуки.

Он закричал. Попробовал было пошевелить собственным телом, но не смог. И снова закричал.

К нему приблизился другой объект. Основываясь на предыдущем опыте, он в страхе закричал опять, пытаясь прогнать объект. Тот, продолжая шевелиться, издал звук.

Ясность.

Казалось, ему на сознание надели корректирующие линзы. Окружающий мир одним движением встал на место. Все вокруг, оставаясь незнакомым, вдруг словно обрело смысл. Он понял, что все предметы имеют названия и обладают характеристиками, хотя и не мог по-прежнему ничего назвать и определить. Какая-то часть его разума ожила, горя желанием дать всему имена, но не в силах этого сделать.

Вселенная зависла у него на кончике языка.

«Вы можете меня воспринимать?» – спросила форма, склонившаяся над ним, – живое существо.

И он обнаружил, что может. Вопрос был услышан им, хотя

не было произнесено ни звука; информация прошла прямым в мозг. Оставалось непонятным, как это было осуществлено и откуда ему это известно. Он также не знал, как ответить. Его рот приоткрылся...

«Не надо, – сказала существо, склонившееся над ним. – Попробуйте просто отправить мне ответ. Это гораздо быстрее, чем говорить. Все мы общаемся друг с другом именно так. Делается это вот как...»

У него в голове появились инструкции – больше чем инструкции: сознание того, что все непонятное будет объяснено, определено и вставлено в контекст. Еще осмысливая это, он обнаружил, что полученная информация разрастается; отдельные концепции и понятия разделяются на обособленные ветви, отыскивают свои собственные определения, чтобы снабдить его фундаментом, которым можно будет пользоваться как основой. Наконец у него в мозгу оформилась одна большая мысль, обобщенный целостный образ, давший ему возможность ответить. Он ощутил, как в нем нарастает потребность ответить существу, задавшему вопрос. Его разум, почувствовав это, предложил несколько вариантов возможных ответов. Каждый из них в свою очередь раскрылся, предлагая свое объяснение, а также подходящий контекст.

На все эти операции ушло чуть меньше пяти секунд.

«Я вас воспринимаю», – наконец ответил он.

«Замечательно, – сказала существо, застывшее перед ним. – Меня зовут Джуди Кюри».

«Здравствуйте, Джуди», – сказал он после того, как его мозг раскрыл концепцию имени, а также протокол ответа тем, кто в качестве идентификации предлагает свое имя. Он захотел было назвать свое имя, но обнаружил, что это поле пусто. Внезапно он растерялся.

Кюри улыбнулась:

«Никак не можете вспомнить, как вас зовут?»

«Да», – подтвердил он.

«Это потому, что у вас еще нет имени, – объяснила Кюри. – Вы хотите узнать, как вас зовут?»

«Пожалуйста».

«Вас зовут Джаред Дирак», – сказала Кюри.

Джаред ощутил, как у него в мозгу раскрывается его имя «Джаред»: переименованное на английский лад имя библейского персонажа Иареда (после чего тотчас же раскрылось понятие «библейский», за которым последовало определение «книга», а затем «Библия», но он не стал их читать, почувствовав, что чтение и дальнейшее раскрытие вложенных определений потребует много времени), сын Малалеила, отец Еноха. Кроме того, предводитель иаредов из Книги мормонов (еще одно определение, оставшееся нераскрытым). Определение: потомок.

Понятие «Дирак» имело несколько определений, в основном полученных из имени Поль Дирак¹, ученый. Джаред

¹ Дирак, Поль Адриен Морис (1902–1984) – выдающийся английский физик, один из создателей квантовой механики. (Здесь и далее примеч. пер.)

уже успел ознакомиться с понятиями «имя» и «фамилия» и узнал правила их получения. Он повернулся к Кюри:

«Я являюсь потомком Поля Дирака?»

«Нет, – ответила Кюри. – Ваши имя и фамилия были случайным образом выбраны из базы».

«Но мое имя значит „потомок“, – возразил Джаред. – А фамилия переходит от родителей к детям».

«Даже среди „настоящих рожденных“ имена, как правило, ничего не обозначают. А у нас и фамилии ничего не значат. Не пытайтесь найти в своем имени то, чего там нет, Джаред».

Дирак задумался над словами существа, раскрывая вложенные в них определения. Понятие «настоящий рожденный» упрямо отказывалось раскрываться; Джаред взял себе на заметку впоследствии изучить это обстоятельство внимательнее, решив пока что сосредоточиться на текущем.

«Я в растерянности», – наконец сказал он.

Кюри улыбнулась:

«Я вас прекрасно понимаю. У вас множество причин чувствовать себя в растерянности».

«Помогите мне хотя бы частично избавиться от этого чувства», – попросил Джаред.

«Обязательно помогу, – заверила его Кюри, – однако долго это продолжаться не будет. Вы родились вне серии, Джаред; ваши товарищи по учебе уже оторвались от вас на два дня. Вам необходимо будет как можно быстрее их нагнать, в противном случае у вас возникнет ощущение отставания, от

которого вы никогда не сможете избавиться. Доставляя вас к вашим товарищам по учебе, я постараюсь объяснить вам все, что смогу. Остальное дополнят они. Ну а сейчас давайте выбираться из яслей. Посмотрим, сможете ли вы ходить так же уверенно, как думать».

Понятие «ходить» раскрылось, пока убирались упоры и растяжки, которые поддерживали тело Джареда в яслях. Собравшись с силами, Джаред подтянулся и опустил ноги на пол.

«Один маленький шагок человека», – констатировала Кюри.

Джаред удивился, увидев, как много значений последовательно раскрывается из слов этой простой фразы².

«Первый вопрос повестки дня, – говорила Кюри, пока они с Джаредом шли по станции „Феникс“. – Вы полагаете, что думаете, однако в действительности это не так».

Первым импульсом Джареда было сказать: «Не понимаю», однако он сдержался, впервые интуитивно почувствовав, что в обозримом будущем отвечать так, вероятно, ему придется практически на все.

«Пожалуйста, объясните», – попросил он.

«Вы только что родились, – начала Кюри. – Ваш головной мозг – собственный мозг – полностью свободен от знаний и

² Кюри приводит искаженные слова американского астронавта Нила Армстронга, сказанные им, когда он 20 июля 1969 года впервые ступил на поверхность Луны: «Для меня это маленький шагок, но для человечества это огромный шаг вперед».

опыта. Вместо него информация поступает от компьютера, установленного у вас в голове. Этот компьютер называется МозгоДруг. Все, что, как вам кажется, вы понимаете, на самом деле обрабатывается вашим МозгоДругом, после чего возвращается в понятном для вас виде. Кроме того, компьютер – это то, что предлагает вам варианты ответов... Осторожнее, посторонитесь!»

Кюри вильнула в сторону, чтобы не столкнуться с группой солдат ССК, идущих навстречу.

Джаред шагнул следом за ней.

«Но у меня такое чувство, будто мне почти известно очень многое, – сказал он. – Как будто я когда-то это знал, но потом забыл».

«Еще до вашего рождения МозгоДруг подготовил ваш мозг, – объяснила Кюри. – Компьютер помогает устанавливать пути распространения нервных сигналов, общих для всех людей, и готовит мозг для быстрого обучения и обработки информации. Вот почему у вас такое ощущение, будто вы уже все знаете, – ваш мозг подготовлен учиться. В течение первых месяцев жизни все вокруг будет казаться вам иллюзией уже виденного. Но по мере того как вы будете учиться, новая информация будет размещаться в вашем собственном мозгу, и вскоре вы прекратите использовать МозгоДруга в качестве костыля. Благодаря тому что мы такие, какие есть, мы можем собирать и обрабатывать информацию – и изучать ее в несколько раз быстрее „настоящих рожденных“».

Джаред остановился, отчасти для того, чтобы дать разуму раскрыть все то, что только сказала Кюри, но отчасти и по другой причине.

«В чем дело?» – спросила Кюри.

«Вы уже второй раз употребили это выражение. „Настоящий рожденный“. Я не могу определить, что оно означает».

«Этого выражения нет в вашем МозгоДруге», – сказала Кюри, направляясь дальше по коридору.

Она указала на других солдат, которые им встречались:

«„Настоящие рожденные“ – это вот они. Люди, которые рождаются младенцами, после чего развиваются в течение очень длительного промежутка времени – много лет. Тот из них, кому уже шестнадцать лет, вероятно, знает приблизительно столько же, сколько вы сейчас, а вам от роду всего шестнадцать минут. На мой взгляд, этот способ является крайне неэффективным, однако именно так происходит в природе, и почему-то считается, что так лучше».

«А вы так не считаете?» – спросил Джаред.

«Я не считаю это ни хорошим, ни плохим, а лишь неэффективным. Я такая же живая, как и они. На самом деле термин „настоящие рожденные“ является ошибочным – мы тоже рождаемся по-настоящему. Рождаемся, живем, умираем. Все то же самое».

«Значит, мы такие же, как они», – заключил Джаред.

Кюри обернулась к нему:

«Нет. Не совсем. Мы созданы быть лучше, как в физиче-

ском отношении, так и в умственном. Мы двигаемся быстрее. Думаем быстрее. Даже говорим быстрее их. Когда вы впервые заговорите с „настоящим рожденным“, вам покажется, что он шевелится вдвое медленнее. Подождите, смотрите сами».

– Прошу прощения, – произнесла Кюри, воспользовавшись для этой цели голосовым аппаратом. – Мне сказали, что на этом уровне есть столовая, где можно заказать отличные гамбургеры, но я никак не могу ее найти. Вы не могли бы мне помочь?

Кюри говорила голосом, который был достаточно точным отражением того голоса, который Джаред слышал у себя в голове... но только медленнее, настолько медленнее, что Джаред не сразу смог понять, что она говорит.

– С радостью, – откликнулся солдат. – Заведение, которое вы имели в виду, находится в двухстах ярдах впереди. Продолжайте идти в том же направлении, и вы на него наткнетесь. Это первая столовая, которая вам встретится.

– Замечательно, благодарю вас, – сказала Кюри, двигаясь дальше.

«Видели, что я хотела сказать? – обратилась она к Джареду. – Они все какие-то заторможенные».

Джаред рассеянно кивнул. Его мозг раскрыл понятие «гамбургер», что привело к понятию «еда», после чего Джаред открыл для себя что-то совершенно новое.

«Кажется, я проголодался», – сообщил он.

«Придется немного подождать. Вы должны будете питаться вместе со своими товарищами по учебе. Это является частью выработки интеграции. Вам придется проводить со своими товарищами по учебе большую часть времени».

«А где ваши товарищи по учебе?»

«Забавный вопрос, – прислала Джареду в мозг Кюри. – Я не видела их уже много лет. Завершив обучение, вам почти не придется больше встречаться с товарищами по учебе. Вас направят туда, где вы будете нужны, и вам предстоит интегрироваться в свое отделение и взвод. В настоящий момент я интегрирована в один из взводов Специальных сил, которые занимаются выгрузкой родившихся солдат».

Джаред мысленно раскрыл понятие «интегрироваться», но обнаружил, что с трудом понимает его. Он сосредоточился на этой проблеме, однако его вывела из размышлений Кюри, не перестававшая говорить:

«Боюсь, вы по сравнению с остальными своими товарищами по учебе будете в худшем положении. Они проснулись уже интегрированными и уже успели привыкнуть друг к другу. Возможно, им потребуется пара дней на то, чтобы привыкнуть к вам. Вам следовало бы выгрузиться и интегрироваться вместе с ними».

«Почему этого не произошло?» – спросил Джаред.

«Ну, вот мы и пришли», – пропустив его вопрос мимо ушей, сказала Кюри, останавливаясь перед дверью.

«Что там?»

«Комната, где находятся дежурные пилоты шаттлов, – сказала Кюри. – Настала пора вам отправляться в путь. Идемте».

Открыв перед Джаредом дверь, она шагнула следом.

За столом три пилота играли в покер.

– Мне нужен лейтенант Клауд, – сказала Кюри.

– Он тот, кому сейчас надерут задницу, – откликнулся один из пилотов, бросая на кон фишку. – Ставлю десять сверху.

– И хорошенько надерут, – добавил другой, тоже бросая фишку. – Принимаю.

– Ваши издевки были бы гораздо болезненнее, если бы мы играли на деньги, – ответил третий, который, рассуждая методом исключения, и был лейтенантом Клаудом. Он бросил на стол три фишки. – Принимаю ваши десять и ставлю сверху еще двадцать.

– Вот один из недостатков этих экскурсий в ад, в которых все расходы оплачены, – заметил первый пилот. – Раз за все уже заплачено, нет смысла выдавать деньги на руки. Я пас.

– Если бы я знал, что мне придется горбатиться на социалистов, то ни за что не пошел бы в армию, – сказал второй. – Я тоже пас.

– Что ж, в таком случае вы, и без того уже глупые, стали бы еще и мертвыми, разве не так? – сказал Клауд. – И они еще говорят про отчуждение от результатов своего труда. Да вы были бы отчуждены от всего! И кроме того, в этой партии

остались бы без пары сотен долларов.

Он раскрыл карты.

– «Глаза змеи» и три «снеговика». Смотрите и заливайтесь слезами.

– Фу ты, дерьмо! – в сердцах бросил первый пилот.

– Спасибо Господу за то, что он сотворил Карла Маркса, – подхватил второй.

– Впервые в жизни подобные слова произносятся за карточным столом, – заметил Клауд. – Ты можешь гордиться.

– Да уж, я горжусь. Вот только не говори об этом моей мамочке. Она родом из Техаса, и это разобьет ей сердце.

– Можешь не беспокоиться, эту тайну я унесу с собой в могилу, – заверил его Клауд.

– Лейтенант Клауд, – вмешалась Кюри, – хотелось бы дождаться вас до конца этого столетия.

– Приношу свои извинения, лейтенант, – спохватился Клауд. – Просто мне нужно было завершить ритуальные унижения. Надеюсь, вы понимаете.

– Если честно, не совсем. – Кюри кивнула на Джареда: – Вот тот новобранец, которого вам предстоит доставить в учебный лагерь «Карсон». Вы уже должны были получить приказ и предписание.

– Наверное. – Клауд на мгновение умолк, обращаясь к своему МозгоДругу. – Да, все на месте. Похоже, мой шаттл уже прошел предполетную подготовку и заправлен горючим. Сейчас я составлю полетный план, и можно будет трогаться

в путь.

Он оглядел Джареда:

– Берешь с собой что-нибудь, кроме себя самого?

Джаред вопросительно посмотрел на Кюри; та покачала головой.

– Нет, – сказал он. – Я полечу один.

Джаред был несколько удивлен, впервые услышав свой собственный голос. Его также поразило, насколько медленно формируются слова. Он прочувствовал все движения языка во рту; это вызвало приступ тошноты.

Молча проследив за немим разговором Джареда и Кюри, лейтенант Клауд указал на кресло:

– Ну хорошо. Присядь, приятель. Я вернусь через минуту.

Опустившись в кресло, Джаред поднял взгляд на Кюри:

«Что мне делать дальше?»

«Лейтенант Клауд доставит вас на шаттле на Феникс, в лагерь „Карсон“, где вы присоединитесь к товарищам по учебе, – ответила Кюри. – Они обогнали вас на пару дней, однако первые несколько дней уходят в основном на интегрирование друг с другом и познание самого себя. Будем надеяться, из собственно обучения вы ничего не пропустили».

«А где будете вы?» – спросил Джаред.

«Я остаюсь здесь. А где, по-вашему, я должна быть?»

«Не знаю. Мне страшно. Я не знаю никого, кроме вас».

«Успокойтесь, – сказала Кюри, и Джаред ощутил исходящее от нее чувство. Его МозгоДруг, обработав эту волну,

раскрыл понятие „сочувствие“. – Через пару часов вы начнете интеграцию со своими товарищами, и все будет в порядке. Вам станет значительно легче».

«Хорошо», – согласился Джаред, однако сомнения его не покинули.

«До свидания, Джаред Дирак», – сказала Кюри и, улыбаясь, ушла.

Джаред еще несколько мгновений ощущал ее присутствие у себя в мозгу, пока наконец все не оборвалось – словно Кюри вдруг спохватилась, что оставила открытой дверь, связывавшую их. Джаред поймал себя на том, что вновь возвращается в тот краткий промежуток времени, который они провели вместе; его МозгоДруг раскрыл понятие «память». Это понятие вызвало какое-то чувство; МозгоДруг раскрыл понятие «загадочный».

– Эй, слушай, можно задать тебе вопрос? – спросил лейтенант Клауд Джареда, когда шаттл начал спуск к планете Феникс.

Джаред задумался над вопросом, над его двусмысленным построением, допускающим различные интерпретации. В каком-то смысле Клауд сам ответил на свой вопрос, задав его; он показал, что может задавать Джареду любые вопросы. Однако МозгоДруг Джареда предположил, и Джаред с этим согласился, что подобная трактовка вопроса, скорее всего, является неправильной. Очевидно, Клауд понимает, что мо-

жет задавать вопросы, и если раньше он этим не занимался, то займется сейчас. Пока МозгоДруг раскрывал и сортировал различные дополнительные интерпретации, Джаред поймал себя на том, что мечтает о том дне, когда сможет сразу же выбирать правильное значение фразы, не копаясь в бесконечных вложенных определениях. Он прожил и пробыл в сознании всего чуть больше часа и уже начал уставать.

Джаред обдумал все варианты и по прошествии промежутка времени, который показался ему самому длинным, но который пилот, похоже, даже не заметил, рискнул выдать ответ, на его взгляд, самый подходящий в данной ситуации:

– Да.

– Ты из Специальных сил, верно? – продолжал Клауд.

– Да.

– Каков твой возраст?

– В настоящий момент? – уточнил Джаред.

– Ну да.

МозгоДруг Джареда сообщил ему, что у него есть внутренние часы; Джаред запросил их показания.

– Семьдесят.

Клауд недоуменно обернулся:

– Тебе семьдесят лет? Из того, что мне о вас известно, для Специальных сил ты староват.

– Нет. Не семьдесят лет, – поправил его Джаред. – Семьдесят минут. Теперь уже семьдесят одна.

– Без дерьма? – спросил Клауд.

Потребовалось еще какое-то время на то, чтобы разобраться в возможных значениях.

– Без дерьма, – наконец подтвердил Джаред.

– Блин, мне как-то не по себе, – пробормотал Клауд.

– Почему?

Клауд открыл было рот, снова закрыл, затем украдкой взглянул на Джареда:

– Ну, ты-то, конечно, этого не поймешь. Но для большинства людей довольно странно беседовать с человеком, которому чуть больше часа от роду. Черт побери, тебя еще не было на свете тогда, когда я садился играть в покер. В твоём возрасте большинство людей еще постигает, как дышать и делать в пеленки.

Джаред сверился с МозгоДругом.

– Как раз сейчас я занимаюсь одним из этих действий, – признался он.

Клауд весело хмыкнул:

– Я впервые слышу шутку от одного из вас.

Джаред обдумал его слова.

– Это не шутка, – возразил он. – Я сейчас правда занимаюсь одним из этих действий.

– Искренне надеюсь, речь идет о дыхании.

– Вы правы, – подтвердил Джаред.

– Что ж, в таком случае все в порядке, – снова хмыкнул Клауд. – Просто на мгновение мне показалось, что я наткнулся на солдата Специальных сил, у которого есть чув-

ство юмора.

– Извините.

– Да не извиняйся, ради бога! – остановил его Клауд. – Тебе всего час от роду. Бывает, люди доживают до ста лет, так и не развив чувство юмора. По крайней мере, одна из моих бывших жен прожила большую часть нашей семейной жизни без улыбки. У тебя хотя бы есть то оправдание, что ты только что появился на свет. У нее же никаких оправданий не было.

Джаред задумался над его словами.

– Быть может, в вас не было ничего смешного.

– Вот видишь, – обрадовался Клауд, – ты все-таки умеешь шутить. Значит, тебе действительно семьдесят одна минута.

– Уже семьдесят три, – поправил Джаред.

– Ну и как оно пока что?

– Что как пока что?

– Вот это, – развел руками Клауд. – Жизнь. Вселенная. Всё.

– Здесь очень одиноко, – сказал Джаред.

– Гм. Быстро ты до этого дошел.

– Почему вы считаете, что у солдат Специальных сил нет чувства юмора? – спросил Джаред.

– Ну, я вовсе не утверждаю, что это невозможно. Просто мне никогда не приходилось его видеть. Возьмем, к примеру, твою подругу со станции «Феникс». Очаровательную мисс Кюри. Я вот уже год пытаюсь ее рассмешить. Мы встречаем-

ся с ней каждый раз, когда нужно перевезти очередную ватагу вашей братии в лагерь «Карсон». Пока что у меня ничего не получается. Конечно, возможно, все дело в ней, но время от времени я пытаюсь рассмешить тех солдат Специальных сил, которых доставляю на планету или поднимаю на станцию. И пока что никаких результатов.

– Быть может, в вас действительно нет ничего смешного, – снова предположил Джаред.

– Ну вот, ты опять принимаешься за свои шутки. Нет, я уже думал над этим. Но, понимаешь, я без труда могу рассмешить обычных солдат, по крайней мере многих из них. Обычные солдаты мало общаются с вами, Специальными силами, но те из нас, кому приходится это делать, сходятся во мнении, что вы начисто лишены чувства юмора. На наш взгляд, это объясняется тем, что вы рождаетесь уже взрослыми, а для развития чувства юмора требуются время и практика.

– Расскажите мне какую-нибудь шутку, – попросил Джаред.

– Ты это серьезно? – удивился Клауд.

– Да. Пожалуйста. Я хочу услышать шутку.

– Ну вот, теперь мне нужно ломать голову, придумывая шутку. – Клауд задумался. – Ладно, попробуем вот это. Не думаю, что ты имеешь представление о том, кто такой Шерлок Холмс.

– Теперь я уже знаю, кто это, – через пару секунд сказал

Джаред.

– Жуткую вещь ты только что проделал, – пробормотал Клауд. – Ну да ладно, слушай. Однажды Шерлок Холмс и его кореш Ватсон решили отправиться в поход с ночевкой, так? Ну, развели они костер, распили на двоих бутылку вина, зажарили барбекю. Все как полагается. Затем легли спать. Среди ночи Холмс просыпается и будит Ватсона. «Ватсон, – говорит он, – взгляните на небо и скажите, что вы видите». И Ватсон отвечает: «Я вижу звезды». – «И о чем это вам говорит?» – спрашивает Холмс. Ватсон начинает перечислять всякую дребедень, типа, что на небе миллионы звезд, что безоблачное небо ночью обещает днем хорошую погоду, что величие космоса является доказательством всемогущества Бога. Закончив, он поворачивается к Холмсу и спрашивает: «Холмс, а что говорит вид ночного неба вам?» И Холмс отвечает: «То, что у нас сперли палатку!»

Клауд выжидательно посмотрел на Джареда, но, увидев, что тот недоуменно таращится на него, нахмурился:

– Ты ничего не понял.

– Я все понял, – возразил Джаред. – Однако тут нет ничего смешного. Палатку-то у них действительно украли.

Клауд долго смотрел на Джареда, затем наконец рассмеялся:

– Возможно, во мне и правда нет ничего смешного, зато вот тебя без смеха не взглянешь.

– Я не стараюсь показаться смешным, – заверил его Джа-

ред.

– Ну, в этом и есть твое очарование. Ладно, мы входим в атмосферу. Давай пока отложим шутки в сторону, и я займусь тем, чтобы доставить нас на поверхность в целости и сохранности.

Клауд расстался с Джаредом на бетонной полосе космопорта лагеря «Карсон».

– О том, что ты здесь, уже знают, – сказал он. – За тобой уже идут. Ты просто стой на месте и жди.

– Хорошо. Спасибо за полет и за шутки.

– Всегда пожалуйста и то, и другое, – сказал Клауд, – хотя лично мне кажется, что от первого тебе было больше прока, чем от второго.

Лейтенант протянул руку; МозгоДруг Джареда распаковал протокол рукопожатия, и Джаред вложил свою ладонь в руку Клауда. Они крепко пожали друг другу руки.

– Ну вот, теперь ты знаешь, как пожимать руку, – улыбнулся Клауд. – Это особое искусство. Удачи тебе, Дирак.

Если после окончания твоего обучения везти тебя выпадет снова мне, мы расскажем друг другу парочку анекдотов.

– Буду очень рад.

– Тогда тебе неплохо будет узнать несколько. Не жди, что всю тяжесть буду таскать я один. Смотри, к нам кто-то направляется. Думаю, это за тобой. Пока, Джаред. И держись подальше от тех, кто таскает чужие палатки.

Клауд нырнул обратно в шаттл, чтобы подготовить его к обратному перелету.

Джаред обернулся.

«Ты Джаред Дирак», – сказал быстро приближающийся человек.

«Да», – ответил Дирак.

«Я капрал Габриэль Браге, – представился подошедший. – Инструктор, назначенный в ваше отделение. Идем со мной. Пора познакомиться с теми, с кем ты будешь вместе обучаться».

Подойдя к Джареду, Браге тотчас же развернулся и направился обратно к лагерю. Джаред поспешил следом.

«Ты разговаривал с пилотом, – сказал Браге. – Что вы обсуждали?»

«Он рассказывал мне анекдоты, – ответил Джаред. – По его словам, большинство людей считает, что у солдат Специальных сил нет чувства юмора».

«Большинство людей понятия не имеет, кто такие солдаты Специальных сил, – сказал Браге. – Слушай, Дирак, никогда больше этим не занимайся. Ты только подбрасываешь дров в костер предубеждений. „Настоящие рожденные“ говорят, будто мы лишены чувства юмора, чтобы нас оскорбить. Намекнуть на то, что в нас меньше человеческого, чем в них. Раз у нас нет чувства юмора, значит, мы ничем не отличаемся от всех прочих субчеловеческих автоматов, которые люди создали для собственных развлечений. Для них мы просто

бесчувственные роботы, низшие существа. Так вот, не давай им возможности издеваться над нами».

После того как МозгоДруг Джареда полностью распаковал вложенные значения гневной тирады Браге, Джаред мысленно повторил свой разговор с Клаудом; у него не возникло ощущения, что лейтенант чем-либо намекал на свое превосходство. Однако Джаред вынужден был также признать, что он прожил в этом мире всего два часа. Вероятно, ему еще многое непонятно. И тем не менее он смутно ощутил несоответствие слов Браге со своим личным опытом, каким бы скудным тот ни был. Он осмелился задать вопрос:

«А солдаты Специальных сил обладают чувством юмора?»

«Разумеется, мы им обладаем, Дирак, – мельком оглянувшись на него, ответил Браге. – Чувство юмора есть у каждого человека. Просто у нас оно другое. Расскажи мне какой-нибудь из тех анекдотов, что ты услышал от пилота».

Джаред послушно пересказал анекдот про Шерлока Холмса и Ватсона.

«Ну вот, сам видишь, как это все глупо, – сказал Браге. – Как будто Ватсон сам не догадался, что палатка исчезла. В этом вся беда юмора „настоящих рожденных“. Он основан на том предположении, что кто-то является полным идиотом. Нет ничего постыдного в отсутствии такого чувства юмора».

Браге буквально излучал гневное раздражение; Джаред решил не развивать эту тему дальше.

Вместо этого он спросил:

«А здесь все из Специальных сил?»

«Все, – подтвердил Браге. – Лагерь „Карсон“ является одним из двух центров подготовки Специальных сил и единственной военной учебной базой на всем Фениксе. Видишь, он со всех сторон окружен лесом?»

Капрал указал взглядом на край лагеря, сразу же за которым боролись за жизненное пространство деревья, привезенные с Земли, и богатая здешняя флора.

«До ближайшей цивилизации от нас больше шестисот километров».

«Чем это объясняется? – спросил Джаред, вспоминая предыдущие слова Браге насчет „настоящих рожденных“. – Нас хотят содержать в полной изоляции от всех остальных?»

«Наоборот, это всех остальных хотят держать в изоляции от нас. Подготовка солдат Специальных сил не похожа на подготовку „настоящих рожденных“. Нам не нужно, чтобы нас отвлекали обычные войска ССК или гражданские; а они в свою очередь могут превратно истолковать то, что увидят здесь. Для всех лучше, если нас оставят в покое, предоставив заниматься своим делом».

«Насколько я понял, я уже отстал в учебе от своих товарищей», – сказал Джаред.

«Только не в учебе, – поправил его Браге. – В интеграции. Собственно, обучение начнется лишь завтра. Но интеграция тоже имеет огромное значение. Без интеграции со своими

товарищами ты не сможешь учиться».

«Каким образом мне предстоит интегрироваться?» – спросил Джаред.

«Ну, сначала ты познакомишься со своими товарищами по учебе».

Браге остановился перед дверью небольшой казармы.

«Вот мы и пришли. Я предупредил их, что ты прилетел; тебя уже ждут».

Он открыл дверь, впуская Джареда.

Скучным внутренним убранством казарма напоминала любую другую казарму последних нескольких столетий. Вдоль противоположных стен выстроились два ряда по восемь коек. На койках и в проходе стояли пятнадцать мужчин и женщин, которые при появлении Джареда уставились на него. Джаред растерялся, почувствовав на себе такое внимание; его МозгоДруг распаковал понятие «смущение». Джаред ощутил потребность поздороваться со своими новыми товарищами, но тут вдруг понял, что не знает, как обратиться через МозгоДруга сразу к нескольким людям. Практически одновременно с этим до него дошло, что он может просто открыть рот и заговорить. Подобные сложности в общении сбили его с толку.

– Здравствуйте, – вслух сказал Джаред.

Кое-кто из его новых товарищей усмехнулся, услышав такую примитивную форму общения, и никто не ответил на приветствие.

«Похоже, начало у меня не слишком получилось», – послал Джаред через МозгоДруга Браге.

«Твои товарищи познакомятся с тобой после того, как ты с ними синтезируешься», – объяснил тот.

«И когда это произойдет?»

«Сейчас», – ответил Браге и начал интеграцию.

Джаред на протяжении одной десятой доли секунды ощущал легкое удивление: его МозгоДруг выдал извещение, что Браге в качестве командира обладает ограниченным доступом к возможностям компьютера. И тотчас же эта информация отступила на второй план, так как внезапно в голову к Джареду проникли сразу пятнадцать человек, и он сам оказался у них в головах. Неудержимый поток информации хлынул в сознание; пятнадцать историй жизни выплеснулись на него, и его собственный скудный жизненный опыт устремился по пятнадцати направлениям. Приветствия и представления оказались ненужными и лишними; в мгновение ока Джаред узнал и прочувствовал все, что ему требовалось знать об этих пятнадцати незнакомых людях, которые тотчас же стали ему настолько близки, насколько только могут быть близки друг другу два человеческих существа. К огромному счастью, все эти пятнадцать чужих жизней оказались чрезвычайно короткими.

Джаред упал в обморок.

«Очень любопытно», – уловил Джаред чье-то замечание.

И практически тотчас же он понял, что эти слова исходят от Брайана Михаэльсона, хотя до этого они еще не общались друг с другом.

«Надеюсь, это не войдет у него в привычку», – произнес другой голос. Стив Сиборг.

«Дайте ему прийти в себя, – слышался третий голос. – Он родился, не интегрированный с нами. Для одного раза у него слишком много впечатлений. Ну же, помогите поднять его с пола».

Сара Полинг.

Джаред открыл глаза. Полинг стояла на коленях рядом с ним; Браге и остальные застыли любопытным полукругом.

«Со мной все в порядке, – направил всем Джаред, переключая свой ответ на общий канал связи, к которому имел доступ и Браге. Благодаря информации, полученной в процессе интеграции, этот выбор был сделан естественно. – Я не был готов к тому, что произошло. Не знал, как мне быть. Но теперь со мной все в порядке».

Товарищи по учебе откликнулись пестрой гаммой чувств, лучившихся от них бессловесной аурой: озабоченность, недоумение, раздражение, безразличие, веселье. Джаред проследил каждое чувство к источнику. Веселье Полинг регистрировалось не только в виде исходящей от нее ауры, но и как лучезарная улыбка, в которой расплылось ее лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.